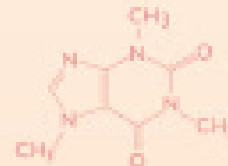

$$\frac{1}{\zeta(s)} = \sum_{n=1}^{\infty} \frac{\mu(n)}{n^s},$$

№ 6(62) 2025

Reports Scientific Society

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Chief Editor

Omar Larouk

Editorial board:

Omar Larouk

Voronkova O.V.

Birzhenyuk G.M.

Komissarenko S.S.

Atabekova A.A.

Tarando E.E.

Malinina T.B.

$$\zeta(n) = 1 + \frac{1}{2^n} + \frac{1}{3^n} + \dots$$

Erofeeva T.I.

Tyutyunnik V.M.

Du Kun

Bednarzhevskiy S.S.

Petrenko S.V.

Wu Songjie

Nadtochiy I.O.

Chamsutdinov N.U.

Andreas Kyriakos Georgiou

Founder:

Scientific Society (Thailand)

IN THIS ISSUE:

Regional and Sectoral Economy

Russian Literature and Literatures of the Peoples of the Russian Federation

Languages of the Peoples of Foreign Countries

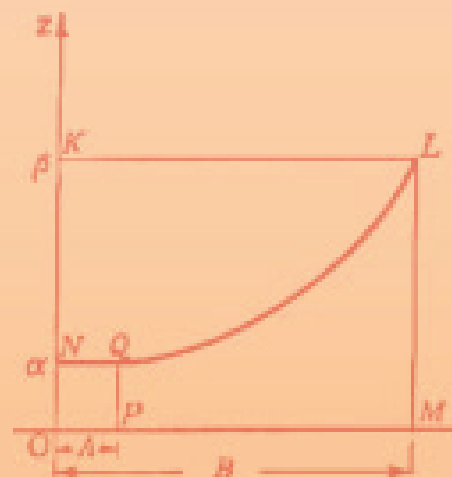
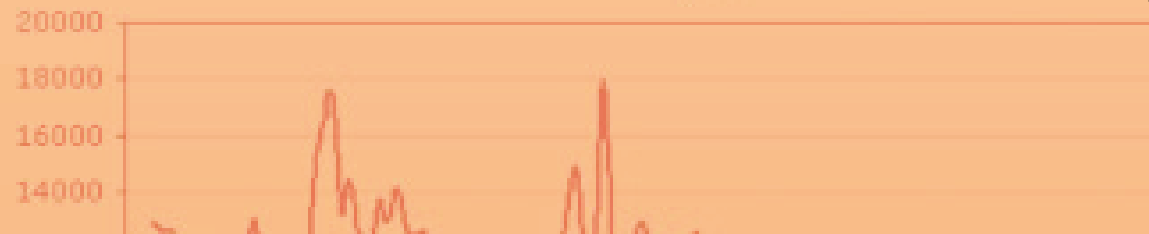

Fig. 1

ISSN 2351-0609

Thailand, 2025

$$\frac{f(x)}{1 - \int_0^x f(t) dt}$$

EDITORIAL BOARD

Foreign journal "Reports Scientific Society" is published in Thailand. Publication in foreign journals is equal to the publication in the list of Higher Attestation Commission's leading peer-reviewed scientific journals to report the main results of the thesis for the degree of doctor and candidate of sciences.

Journal "Reports Scientific Society" is issued 12 times a year.

Chief Editor:
Omar Larouk

Page planner:
Viktoria Solodova

The journal is reliably protected using special publishing technology.

Subscription index of Agency
"Rospechat" No 70729 for periodicals.

Information about published articles is regularly provided to **Russian Science Citation Index** (Contract No 124-04/2011R).

For more information, please, visit the website:
<http://moofrnk.com/>

E-mail: nauka-bisnes@mail.ru
tmbprint@gmail.com

tel.: +66944368790
+79156788844

Editorial opinion may be different from the views of the authors.

Please, request the editors' permission to reproduce the content published in the journal.

Omar Larouk – PhD, Associate Professor, National School of Information Science and Libraries University of Lyon, tel.: +0472444374, E-mail: omar.larouk@enssib.fr, France.

Voronkova O.V. – Doctor of Economics, Professor, Head of Department of Marketing Department, Tambov State Technical University, tel.: 8(981)9720993, E-mail: voronkova@tambov-konfcentr.ru, Russia.

Birzhenyuk G.M. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of Department of Socio-Cultural Technologies, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, tel.: 8(812)7403842, E-mail: set47@mail.ru, Russia.

Komissarenko S.S. – Doctor of Cultural Studies, Professor, Honored Worker of Higher Education of Russia, Professor of Socio-Cultural Technologies, St. Petersburg Humanitarian University of Trade Unions, Russia.

Atabekova A.A. – Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Foreign Languages Faculty of Law of the Russian Peoples' Friendship University, tel.: 8(495)4342712, E-mail: aaatabekova@gmail.com, Russia.

Tarando E.E. – Doctor of Economics, Professor, Department of Economic Sociology, St. Petersburg State University, tel.: 8(812)2749706, E-mail: elena.tarando@mail.ru, Russia.

Malinina T.B. – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Department of Social Analysis and Mathematical Methods in Sociology, St. Petersburg State University; tel.: 8(921)9375891, E-mail: tatiana_malinina@mail.ru, Russia.

Erofeeva T.I. – Doctor of Philology, Head of the School of Sociopsycholinguistics at the Department of General and Slavonic Linguistics, Perm State National Research University, E-mail: genling.psu@gmail.com, Russia.

Tyutyunnik V.M. – Doctor of Technical Sciences, Candidate of Chemical Sciences, Professor, Director of Tambov Affiliate of Moscow State University of Culture and Arts, President of the International Information Center for Nobel Prize, Academy of Natural Sciences, tel.: 8(4752)504600, E-mail: vmt@tmb.ru, Russia.

Du Kun – PhD in Economics, Associate Professor, Department of Management and Agriculture, Institute of Cooperation of Qingdao Agrarian University, tel.: 8(960)6671587, E-mail: tambovdu@hotmail.com, China.

Bednarzhevsky S.S. – Doctor of Technical Sciences, Professor, Head of Department of Safety, Surgut State University, Laureate of State Prize in Science and Technology, Academy of Natural Sciences and the International Energy Academy, tel.: 8(3462)762812, E-mail: sbed@mail.ru, Russia.

Petrenko S.V. – PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Head of Department Mathematical Methods in Economics, Lipetsk State Pedagogical University, tel.: 8(4742)328436, 8(4742)221983, E-mail: viola349650@yandex.ru, viola@lipetsk.ru, Russia.

Wu Songjie – PhD in Economics, Shandong Normal University, tel.: +86(130)21696101, E-mail: qdwucong@hotmail.com, Shandong, China.

Nadtochiy I.O. – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of Philosophy Department, Voronezh State Forestry Academy, tel.: 8(4732)537070, 8(4732)352263, E-mail: inad@yandex.ru, Russia.

Chamsutdinov N.U. – Doctor of Medicine, Professor of Faculty Therapy, Dagestan State Medical Academy Wed Federation, Member of RANS, Deputy of the Dagestan Affiliate of the Russian Respiratory Society, tel.: 8(928)655349, E-mail: nauchdoc@rambler.ru, Dagestan.

Andreas Kyriakos Georgiou – Lecturer in Accounting, Department of Business, Accounting & Finance, Frederick University, Limassol, tel.: 99 459477, E-mail: bus.akg@frederick.ac.cy, Cyprus.

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Региональная и отраслевая экономика

Zhou Chang, A.G. Litvinova Analysis on Digital Transformation of Enterprises in Northeast China: Innovation and Reform of Old Industrial Enterprises.....	5
---	---

ФИЛОЛОГИЯ

Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Маркин В.В., Маркина П.В. Пародия и псевдодокументальность в одном эпизоде «Калины красной» В.М. Шукшина.....	11
Soktoeva B.V., Aiusheeva M.G., Abidueva I.V., Ochirzhapova D.T. Scrambling in Russian Syntax: A Movement-Based Typology	16

Языки народов зарубежных стран

Дубовая Е.В. Деятели Плеяды об адвербиально-адъективных коммутациях как средстве обогащения французского языка.....	31
Евстафиади О.В., Пилипчук Е.А. Жанровое своеобразие антиутопической трилогии Э. Сувада «This Mortal Coil»	42
Магомедова С.О., Насруллаева А.Т. Выражение сомнения в англоязычных произведениях (на примере романов Джулии Кеннер)	47
Магомедова С.О., Нуралиева А.И. Лингвистические особенности креолизованного текста в англоязычных комиксах	52
Морозова Я.С., Рожненко О.А., Попова А.С., Большоко Э.Ю. Метафора как инструмент эмоционального воздействия в романе Джона Гвинна «Тень Богов»....	58
Юань Дунбинь Оценка сформированности межкультурной компетентности у будущих переводчиков китайского языка.....	65

CONTENTS

ECONOMIC SCIENCES

Regional and Sectoral Economy

- Zhou Chang, A.G. Litvinova** Analysis on Digital Transformation of Enterprises in Northeast China: Innovation and Reform of Old Industrial Enterprises..... 5

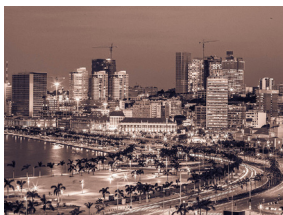
PHILOLOGICAL SCIENCES

Russian Literature and Literatures of the Peoples of the Russian Federation

- Markin V.V., Markina P.V.** Parody and Pseudo-Documentality in One Episode of "Kalina Krasnaya" by V.M. Shukshin.....11
- Soktoeva B.V., Aiusheeva M.G., Abidueva I.V., Ochirzhapova D.T.** Scrambling in Russian Syntax: A Movement-Based Typology 16

Languages of the Peoples of Foreign Countries

- Dubovaya E.V.** Pleiades Figures on Adverbial-Adjectival Commutations as a Means of Enriching the French Language..... 31
- Evstafiadi O.V., Pilipchuk E.A.** Genre Originality of E. Suvar's Dystopian Trilogy "This Mortal Coil" 42
- Magomedova S.O., Nasrullaeva A.T.** Expressing Doubt in English-Language Works (Using the Example of Julia Kenner's Novels)..... 47
- Magomedova S.O., Nuralieva A.I.** Linguistic Features of Creolized Text in English-Language Comics 52
- Morozova Ya.S., Rozhnenko O.A., Popova A.S., Bolyko E.Yu.** Metaphor as a Tool of Emotional Impact in John Gwynne's Novel «Shadow of the Gods» 58
- Yuan Dongbin** Assessment of the Formation of Intercultural Competence among Future Chinese Language Translators 65

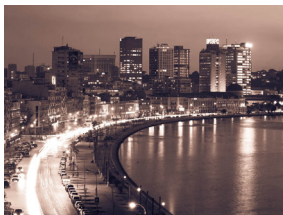

UDK 334

Analysis on Digital Transformation of Enterprises in Northeast China: Innovation and Reform of Old Industrial Enterprises

Zhou Chang, A.G. Litvinova
(Russia)

E-mail: 1042248195@pfur.ru

...

Key words and phrases: industry enterprises; information transfer; innovation management.

Abstract: The article analyzes the condition of old industrial enterprises in Northeast China and the difficulties these enterprises face in the process of digital transformation. The hypothesis of the study is that these enterprises and their development affect the industrialization processes in China. The main objective is to study their status and influence on the transformation of Northeast China. With the change of the speed of economic development and the introduction of environmental protection policy in China, the development condition of these old industrial enterprises becomes very serious. Based on statistical methods and data analysis, factors are formed to conclude that it is necessary to maintain the market access of Northeast China's enterprises, and provide a basis for the digital transformation of Northeast China's old enterprises into modern and innovative enterprises.

...

Analysis of the present situation and challenges of old industrial enterprises in Northeast China

Northeast China used to be the industrial center of China. A large number of heavy industry enterprises have been established in the northeast cities headed by Shenyang, Dalian, Anshan and Fuxin. These enterprises have established mature industrial systems mainly in heavy industries such as steel, petroleum, machinery manufacturing and chemical industry. These enterprises developed rapidly in the 1990s.

As shown in Fig. 1, the northeast of China experienced a period of rapid economic development from 1990 to 2000, during which the education, medical level, road quality and workers' quality in the northeast of China were significantly improved. Due to the early

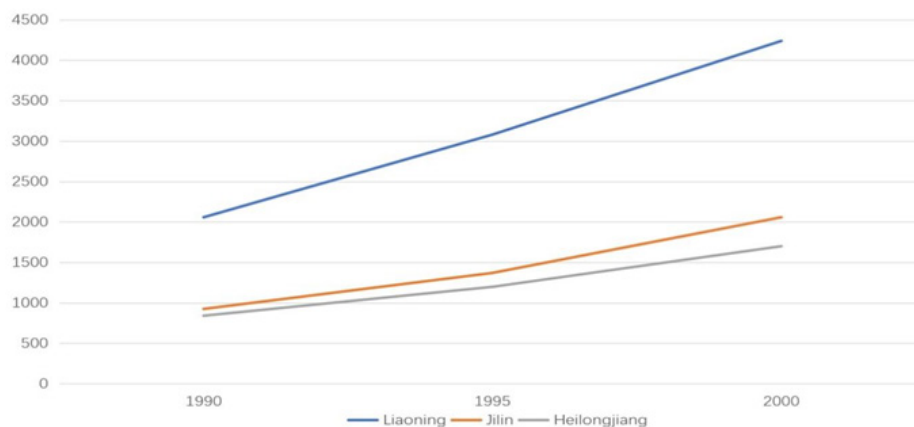

Fig. 1. GDP of Northeast China from 1990 to 2000

industrialization, the infrastructure in Northeast China was much higher than other areas in China at that time. In the theory of regional economics, traffic quality is a key factor that seriously affects regional economic development, industrial layout and urbanization. Thanks to this, energy enterprises in Northeast China have developed rapidly.

However, after entering the 21st century, with the influence of globalization and the upgrading of China's industrial structure, the Northeast Industrial Zone is gradually in trouble.

Development Status of Enterprises in Northeast China

With the influence of economic globalization, China has a huge domestic demand and export market. With the support of local policies and earlier digital transformation, enterprises in the southeast coastal areas have quickly completed the upgrading of industrial structure, from a single planned production mode to a market-oriented production mode, from traditional manufacturing to emerging manufacturing and service industries. The rapid accumulation of assets in the early stage of this transformation accelerated the process of technological innovation. Under this virtuous circle, enterprises in the southeast coastal areas gradually showed their gap. Although the industrial base in Northeast China is solid, the pace of enterprises' digital transformation is relatively backward due to their over-reliance on traditional heavy industry and planned economy. With the successful transformation of enterprises in the southeast coastal areas, the enterprise agglomeration effect has attracted a large number of high-quality enterprises and high-quality workers. There has been a serious loss of talents and assets in Northeast China. These problems make the old industrial enterprises in Northeast China gradually lose their advantages in the global competition, and further aggravate the plight of enterprises in Northeast China.

As shown in Fig. 2, the number of trucks produced in Northeast China has dropped sharply since 2010, and the corresponding auto parts manufacturing enterprises and auto maintenance equipment manufacturing enterprises have gradually reduced their production scale. Some enterprises, such as Jinbei Automobile, only keep some production lines. The sharp drop in

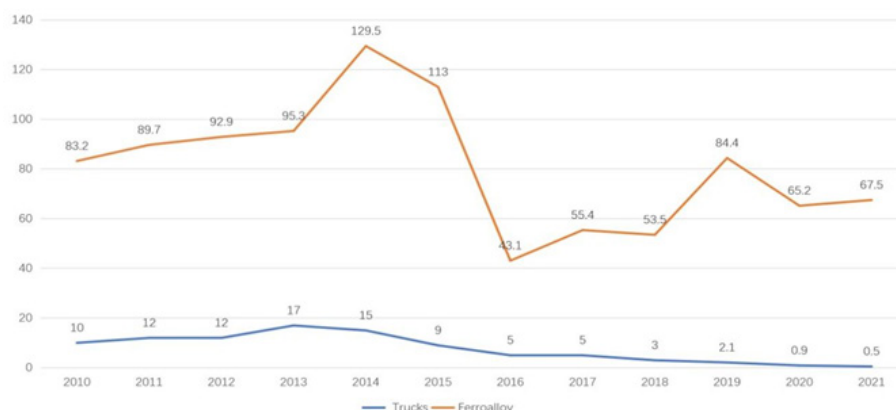

Fig. 2. Number of trucks and ferroalloys produced in Northeast China in 2010–2021

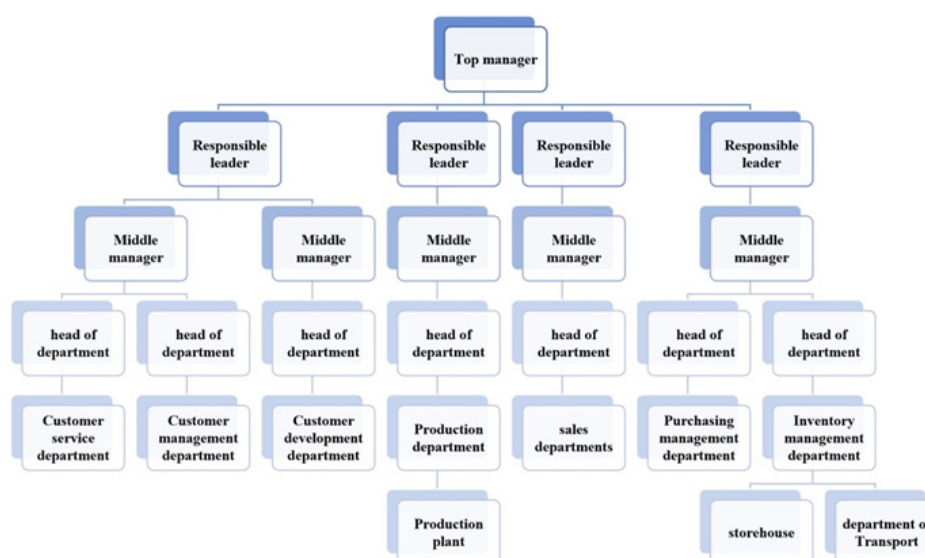

Fig. 3. The management model of enterprises in Northeast China

orders of downstream manufacturing industry led to a cliff-like decline in the production demand of upstream raw materials.

In general, the starting point of digital transformation of enterprises can be identified as digital technology, digital products and digital platforms [1]. However, because enterprises in Northeast China mainly focus on heavy industry and it is difficult to digitize raw materials and products themselves, the starting point of digital transformation of enterprises cannot be digital products and technologies. In this context, the digital transformation of enterprises in Northeast China is more likely to start with production management, operation optimization, data collection and analysis. The product management in the northeast of China is biased towards the traditional planned economy, which can effectively avoid the scattered waste of resources, but it will lead to the lack of real-time market feedback and information transmission,

reduce the vitality and innovation potential of enterprises, and lead to overcapacity [2]. With the transformation of China's economic structure, the traditional planned economy management model has gradually exposed its drawbacks. Under the background of rapid changes in market demand, the response speed of enterprises to market demand is obviously lagging behind, which leads to the unclear direction of technology research and development and insufficient technology research and development efforts.

As shown in Fig. 3, the management mode of enterprises in Northeast China is mainly centralized decision-making system. During the industrialization of Northeast China, the central government and local governments in China set up many state-owned enterprises. The main leaders of these state-owned enterprises are local officials and officials of the central government. The management structure of enterprises has almost copied the management structure of the government. Under this personnel management model, leaders have almost absolute power. Many traditional enterprises, especially state-owned enterprises, are usually centralized by superior leaders or senior management teams, with more management levels, more rigorous and complex decision-making processes and very slow information transmission.

Managers tend to be conservative in their decision-making, pay attention to the stable operation of existing production lines, invest less in the innovation of new technologies and new products, and lack a management culture that encourages innovation. Most of the product design and production are based on past experience, and attach importance to production management and operational efficiency. It is conservative in resource and cost control, emphasizing stability and long-term production planning.

In this management mode, there is less cooperation between various departments of the enterprise, and the information transmission from one department to another is slow, and it takes a long time for the production information from the grassroots to be fed back to the management, so it is difficult for the management to implement the decision at the grassroots level. The whole management structure is relatively rigid and lacks vitality. Because the management of each department tends to be stable, this leads to the low sensitivity of the whole enterprise to the market and the low subjectivity of the department. The business model is single, lacking enthusiasm outside and encouragement inside. The long-term management model has intensified the dependence of old industrial enterprises on traditional production technology. Under the existing management framework, enterprises are seriously short of technical reserves and talent reserves.

Conclusion

To sum up, most enterprises in Northeast China are caught in the aging labor force, the shortage of technical talents, and the lack of investment in research and development of new technologies, which leads to the lag of technological innovation ability and the slow upgrading of products, which cannot meet the market demand for high-quality, intelligent and customized products, and also leads to overcapacity and aggravates the pressure and problems in environmental protection. It can be seen that the digital transformation is less attractive to the old industrial enterprises in the northeast of China, and it is difficult to bring substantial changes to the enterprises in the short term, which also aggravates the dilemma of these enterprises in the global competition to some extent. From the perspective of economic development, in

2002, the GDP of the three northeastern provinces accounted for 9.9 % of the national total; However, by 2022, this proportion has dropped to 5 %, which shows the profound changes and challenges of the economic structure in Northeast China. From this data change, it is not difficult to find that the transformation of old enterprises in Northeast China is imminent, and enterprises urgently need digital economy to empower and upgrade industries.

Список литературы

1. Пфеффер, Дж. Разрыв между знанием и действием: как успешные компании превращают знания в действия / Дж. Пфеффер, Р.И. Саттон, 2000.
2. Нонака, И. Динамическая теория создания организационных знаний / Икудзиро Нонака // Организационная наука. – 1994. – Т. 5. – № 1. – С. 14–37.
3. Литвинова, А.Г. Система управления идеями в компании с целью поддержки и развития инновационной деятельности / А.Г. Литвинова // Глобальный научный потенциал. – 2020. – № 6(111). – С. 165–168.

References

1. Pfeffer, Dzh. Razryv mezhdu znaniyem i deystviyem: kak uspeshnyye kompanii prevrashchayut znaniya v deystviya / Dzh. Pfeffer, R.I. Satton, 2000.
2. Nonaka, I. Dinamicheskaya teoriya sozdaniya organizatsionnykh znaniy / Ikudziro Nonaka // Organizatsionnaya nauka. – 1994. – T. 5. – № 1. – S. 14–37.
3. Litvinova, A.G. Sistema upravleniya ideyami v kompanii s tsel'yu podderzhki i razvitiya innovatsionnoy deyatel'nosti / A.G. Litvinova // Global'nyy nauchnyy potentsial. – 2020. – № 6(111). – S. 165–168.

Анализ современной ситуации и проблем старых промышленных предприятий в Северо-Восточном Китае

Чжоу Чан, А.Г. Литвинова
(Россия)

Ключевые слова и фразы: передача информации; промышленные предприятия; управление инновациями.

Аннотация: В статье анализируется состояние старых промышленных предприятий на Северо-Востоке Китая и трудности, с которыми сталкиваются эти предприятия в процессе цифровой трансформации. Гипотеза исследования заключается в том, что эти предприятия и их развитие влияют на процессы индустриализации в Китае. Основная задача заключается в изучении их состояния и влияния на трансформацию Северо-Восточного Китая. С изменением скорости экономического развития и введением политики охраны окружающей среды в Китае состояние развития этих старых промышленных предприятий становится очень серьезным. На основе статистических методов и анализа

данных сформированы факторы, позволяющие сделать вывод о необходимости сохранять доступ предприятий Северо-Восточного Китая к рынку, а также создать основу для цифровой трансформации старых предприятий Северо-Восточного Китая в современные и инновационные.

© Zhou Chang, A.G. Litvinova, 2025

УДК 37.014.54

Пародия и псевдодокументальность в одном эпизоде «Калины красной» В.М. Шукшина

В.В. Маркин, П.В. Маркина
(Россия)

E-mail: markin_vv@altspu.ru

...

Ключевые слова и фразы: В.М. Шукшин; игра; «Калина красная»; музыка; пародия; поэтика; П.К. Аедоницкий; русская литература.

Аннотация: Цель статьи состоит в анализе одного эпизода фильма «Калина красная» В.М. Шукшина, где упоминается фамилия П.К. Аедоницкого. Задача статьи – рассмотреть эпизод выступления хора самодеятельности в контексте поэтики писателя и в опоре на биографическую основу. Гипотеза исследования заключается в том, что использование реальной музыкальной основы В.М. Шукшиным было с целью игровой, а не документальной. Основными методами исследования являются методы анализа, обобщения и описания. Результаты исследования показывают, что использование документального материала в фильме «Калина красная» происходит не с целью создания реализма, а с иными игровыми установками. Результаты работы могут быть полезны для дальнейших исследований поэтики В.М. Шукшина.

...

Коллектив ученых Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета работает над «Энциклопедией «Калины красной» В.М. Шукшина». Этот проект преследует как исследовательские, так и просветительские задачи. В последние десятилетия все большую популярность приобретает жанр «энциклопедия одного произведения», постепенно вытесняющий традиционные комментарии и представляющий собой статьи, разные по объему, расположенные в алфавитном порядке, позволяющие многосторонне взглянуть на произведение.

Заявляя обозначенную тему, в данной работе предложен анализ одного эпизода «Калины красной» В.М. Шукшина – смотра выступления хора самодеятельности в клубе, где Егор Прокудин разговаривает с председателем колхоза. Исполнение «наших» предваряется объявлением песни с упоминанием фамилии Аедоницкого.

Павел Кузьмич Аедоницкий (1922–2003 гг.) – советский композитор, автор романсов,

которые исполняли известные певцы, народный артист РСФСР. В 1970-х гг. Аедоницкий участвовал в составе жюри телевизионного конкурса «Алло, мы ищем таланты!». Композитор работал в различных жанрах, он создавал музыку для спектаклей и оперетт, писал пьесы для эстрадных оркестров, а также вокальные циклы. Значительную часть его творчества составляют песни и музыка к спектаклям и кинофильмам. В его творчестве видят традиции русской песенной культуры, фольклора и романса.

В «Калине красной» В.М. Шукшин использует исполнение самодеятельного хора РДК г. Белозерска, руководитель – Анатолий Сельцов. В титрах не была указана фамилия руководителя хора, которому после выхода на экран фильма было дано прозвище «Калина красная» [3]. В киноленту попали две песни: русская народная «Я с комариком...» и «Русские края» (муз. П. Аедоницкого, сл. Ю. Полухина).

В «Калине красной» душевная эволюция героя находит выражение и в его отношениях с песней. Зайдя в клуб в поисках председателя, Егор невольно оказывается зрителем смотра сельской художественной самодеятельности. При появлении героя на сцене исполняется русская хороводная песня «Я с комариком...», за исполнением которой герой, казалось бы, наблюдает с определенным интересом и в то же время иронией. «Ироническое отношение Шукшина к подобного рода «стилизациям» русских народных песен окрашено здесь еще и горечью: старинный девичий хоровод ведут пожилые женщины, сохранившие в памяти следы народной песенной культуры» [5].

Пожилый девичий хоровод дополняет молодой артист – его исполняет руководитель хора А. Сельцов. По ее окончании ведущая концерта объявляет: «...народ стал слагать новые песни. Послушайте песню Аедоницкого «Русские края». Однако Егора уже не интересует происходящее на сцене. Он заговаривает с председателем о своих делах. Во время исполнения песни происходит крайне важное событие: Егор отказывается от работы водителем и сообщает о решении работать трактористом. Их разговор мешает зрителям, и он покидает зал.

Самодеятельный хор своей пародийной неумелостью противопоставлен хору рецидивистов, исполнение которых отмечено особым чувством. Песня П.К. Аедоницкого в логике смотра продолжает народную поэтику. Однако у В.М. Шукшина она становится псевдонародной. Происходящее на сцене возвращает к теме театральности, игры, исполнения роли (о шукшинской концепции «жизнь – театр» [2]).

Вопрос культуры открывает оппозицию истинного искусства и мещанства, представленного массовым «искусством». В киноповести эта антитеза прослеживается не только в музыке, но и в живописи, костюме и другом. Музыка к фильму писал шукшинский композитор П.В. Чекалов (кроме «Калины красной», «Живет такой парень», «Ваш сын и брат», «Печки-лавочки», музыкальные наброски к «Степану Разину», работа с текстами В.М. Шукшина после его смерти), а музыка П.К. Аедоницкого приводится как пример псевдонародной музыки.

В «Монолог на лестнице» В.М. Шукшин, говоря об интеллигентности, расширяет содержание этого понятия, по наблюдению С.М. Козловой, «до пределов культуры в самом широком и, главное, в нравственном смысле этого слова»: «провинциальная патриархальность – это не отсталость, не духовная нищета, не дикость, а истинная культура, как и культура столицы и больших городов» [7]. Вопрос для В.М. Шукшина был принципиальный, нельзя подделаться под народное искусство: «Зря покалечили народное творчество... Обычай не придумаешь, это невозможно» [6]. Неслучайно в «Калине красной» выступление хора с песней П.К. Аедоницкого обрамляется конфронтацией со следователем: предваряется эпизодом в машине, где Егор спрашивает: «Какие же мы после этого

интеллигенты?», а завершается его вопросом: «Милая, ну что ты строишь-то из себя?».

В качестве примера-аргумента того, что не нужно имитировать народное творчество, В.М. Шукшин в «Монолог на лестнице» приводит песню: «Кстати, никак не могу понять, что значит: русская народная песня в обработке... Кто кого «обрабатывает»? Зачем? Или вот еще: современная русская народная песня! Подчеркнуто – народная. Современная. И – «Полюшко колхозное, мил на тракторе, а я на мотоцикле за ним...». Бросьте вы! Обыкновенная плохая стилизация» [6].

Анализируя рассказ В.М. Шукшина «В воскресенье мать-старушка», С.М. Козлова указывает на противопоставление «народной» и «советской» песни. На связь текста с «Калиной красной» через «Вечерний звон», ставший народной песней, указали В.В. Десятов и А.И. Куляпин [7].

Говоря о фильмах В.М. Шукшина как всецело авторских, Л.А. Аннинский приводит в пример песню: «вплоть до музыки, потому что музыка в них, лейтмотивы их – всегда от какой-нибудь народной песни, Шукшиным найденной, Шукшиным услышанной: «Калина красная, калина вызрела...» [1]. Как оказалась, песня, связанная с названием фильма, была не совсем народной. Авторские права не позволили, как это планировалось изначально, включить полный текст в фильм (Шукшин исполняет небольшой фрагмент без музыки), и «Калина красная» была заменена на «Вечерний звон», который и выступил через сопоставление двух хоров (мужского и женского) в оппозиции к песне П.К. Аедоницкого.

Как ни парадоксально, «Вечерний звон» имеет авторство, но в фильме этот нюанс опущен, песня названа «задумчивой», без указания на композитора и поэта, в то время как «Русские края» имеют официальное представление в словах ведущей смотра самодеятельности со значком высшего образования на груди.

Оппозиция двух эпизодов с хоровым пением поддержана сценическим костюмом, если в первом случае тюремная одежда подчеркивает его отсутствие, то во втором – голубые кокошники становятся знаком подделки. Егор входит на песне «Я с комариком», после этого председатель говорит: «Наши выступают». И зритель видит тот же хор, переодетый в желто-красные платья. Головные уборы, оставшиеся от предыдущей песни и костюма, словно свидетельствуют об отсутствии отличий между участниками смотра.

В рассказе «Одни» (1962 г.), где жена, любящая деньги, внимательно следит за мужем, чтобы он работал, а не играл на балалайке, исполнение настоящей музыки сопряжено с ритуалом переодевания в чистое, почти сакральное облачение:

«Антип вымыл руки, лицо, причесался.

– Дай новую рубашенцию.

Марфа достала из ящика новую рубаху. Антип надел ее, подпоясался ремешком. Снял со стены балалайку, сел в красный угол, посмотрел на Марфу.

– Начинаем наш концерт!» [6].

Музыка приносит деревенскому самородку радость, желание шутить и веселиться, жена же настаивает на том, чтобы он не дурачился, а пел грустную (по мнению мужа, «тяжелую») песню.

Пародирование народной сибирской застольной песни «Пусть говорят, что я ведра починяю» за счет изменения содержания есть в «Стеньке Разине» (1960 г.). Васека через шутку демонстрирует свое отношение к людям. В то же время рассказ, пронизанный автобиографическими темами, говорит об автопсихологическом параллелизме автора и героя.

Вопрос культуры в «Калине красной» поднимается еще через правила поведения. Егор, входя в зал, снимает кепку. Потом он признается председателю в самом сокровенном, с чем связан его отказ: «У меня такое ощущение, что я вам все время улыбаюсь и в

глаза заглядываю». Пафос слов героя снижен разговорной формой глагола «доехайте». Диалог прерывается мужским замечанием соседа по ряду: «Потише, потише, товарищи». И женским осуждающим оглядывающимся взглядом.

О духовно-нравственном потенциале народа автор размышлял в рассказах «Одни», «Срезал», «Мастер», «Танцующий Шива», «Упорный», «Осенью», в киноповести «Печки-лавочки».

Таким образом, анализ одного эпизода фильма «Калина красная» В.М. Шукшина, где упоминается фамилия П.К. Аедоницкого, показывает, что использование документального материала в «Калине красной» происходит не с целью создания реализма, а с пародийными установками.

Список литературы

1. Аннинский, Л.А. Тридцатые-семидесятые: Лит.-крит. статьи / Л.А. Аннинский. – М. : Современник, 1977. – 269 с.
2. Козлова, С.М. Что же жизнь – комедия или трагедия? (нравственно-эстетические основания шукшинской концепции «жизнь – театр») / С.М. Козлова // Россия и театр Шукшина. – Барнаул : Арт-отель, 1997. – С. 48–73.
3. Культурный код: Толя Калина красная [Электронный ресурс]. – Режим доступа : https://vtchk.pf/articles/culture/kulturnyy_kod_tolya_kalina_krasnaya.
4. Маркина, П.В. Межличностная коммуникация в рассказах В.М. Шукшина / П.В. Маркина // Шукшинский текст: опыт прочтения: межвузовский сборник научных статей, посвященных восьмидесятилетию В.М. Шукшина. – Барнаул : АлтГПА, 2009. – С. 75–82.
5. Шестакова, И.В. О роли песен в фильме В.М. Шукшина «Калина красная» / И.В. Шестакова // Мир науки, культуры и образования. – 2015. – № 3(52). – С. 357–359.
6. Шукшин, В.М. Собрание сочинений: В 9-ти тт. / В.М. Шукшин. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2014.
7. Шукшинская энциклопедия: В 3-х тт./ гл. редактор и составитель С.М. Козлова. – Барнаул : ИД «Барнаул», 2011.

References

1. Anninskiy, L.A. Tridtsatyie-semidesyatyie: Lit.-krit. stat'i / L.A. Anninskiy. – M. : Sovremennik, 1977. – 269 s.
2. Kozlova, S.M. Chto zhe zhizn' – komediya ili tragediya? (nравstvenno-esteticheskiye osnovaniya shukshinskoy kontseptsii «zhizn' – teatr») / S.M. Kozlova // Rossiya i teatr Shukshina. – Barnaul : Art-otel', 1997. – S. 48–73.
3. Kul'turnyy kod: Tolya Kalina krasnaya [Electronic resource]. – Access mode : https://vtchk.rf/articles/culture/kulturnyy_kod_tolya_kalina_krasnaya.
4. Markina, P.V. Mezhlchnostnaya kommunikatsiya v rasskazakh V.M. Shukshina / P.V. Markina // Shukshinskiy tekst: opyt prochteniya: mezhvuzovskiy sbornik nauchnykh statey, posvyashchennykh vos'midesyatiletiyu V.M. Shukshina. – Barnaul : AltGPA, 2009. – S. 75–82.
5. Shestakova, I.V. O roli pesen v fil'me V.M. Shukshina «Kalina krasnaya» / I.V. Shestakova // Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya. – 2015. – № 3(52). – S. 357–359.

6. Shukshin, V.M. Sobraniye sochineniy: V 9-ti tt. / V.M. Shukshin. – Barnaul : ID «Barnaul», 2014.

7. Shukshinskaya entsiklopediya: V 3-kh tt./ gl. redaktor i sostavitel' S.M. Kozlova. – Barnaul : ID «Barnaul», 2011.

Parody and Pseudo-Documentality in One Episode of "Kalina Krasnaya" by V.M. Shukshin

V.V. Markin, P.V. Markina
(Russia)

Key words and phrases: V.M. Shukshin; "Kalina Krasnaya"; Russian literature; poetics; game; parody; music; P.K. Aedonitsky.

Abstract: The aim of the article to analyze one film episode of the "Kalina Krasnaya" by V.M. Shukshin, where P.K. Aedonitsky surname was mentioned. The objective is to consider an episode of an amateur choir performance in the context of the writer's poetics, which is based on the author's biography. The hypothesis of the research is that the using of a real musical basis by V.M. Shukshin was for game purpose, but not for a documentary. The main research methods are methods of analysis, generalization and description. The results of the study show that the use of documentary material in the film "Kalina Krasnaya" is not for the purpose of creating realism, but for other game settings. The results of the work can be useful for further studies of V.M. Shukshin's poetics.

© В.В. Маркин, П.В. Маркина, 2025

UDK 811.161.1

Scrambling in Russian Syntax: A Movement-Based Typology

B.V. Soktoeva, M.G. Aiusheeva, I.V. Abidueva, D.T. Ochirzhapova
(Russia)

E-mail: socktoeva@mail.ru

...

Key words and phrases: anthroponymy; phoneme; phonosymbolism; theory of mediated communication; anthroponymicon; expressive sound coloration.

Abstract: This study investigates scrambling in Russian – a syntactic phenomenon where constituents are reordered without changing propositional meaning. It aims to develop a unified typology of scrambling that integrates syntactic mechanisms and discourse functions. The research hypothesizes that scrambling in Russian is best explained by movement-based theories due to its configurational structure and sensitivity to information structure. The study pursues three objectives: to review theoretical models, analyze syntactic and discourse-driven properties, and propose a classification based on movement characteristics. Using the Minimalist Program, cartographic syntax, and interface-based theories, the study applies a descriptive methodology to illustrative examples. Findings support a movement-based account and reveal a three-part classification: (a) locality-based (e.g., object shift, long-distance), (b) structure-based (A- vs. A'-movement), and (c) category-based (arguments, adjuncts, modifiers, etc.). Special focus is given to XP- and split scrambling, which serve discourse roles such as topicalization and contrastive focus. Scrambling in Russian is shown to be both structurally constrained and pragmatically motivated.

...

Introduction

Scrambling is a syntactic process in which sentence constituents are reordered from their base-generated positions. Although this reordering preserves truth-conditional meaning, it may reflect various syntactic constraints and discourse-related motivations. It is observed in languages like German, Japanese, and Russian.

The term was introduced by John Robert Ross (1967), who distinguished scrambling from general free word order, emphasizing its systematic and constrained nature, and was later

integrated into generative grammar by Chomsky and Lasnik (1977). Haider (2020) further emphasized that scrambling reflects a complex interaction between structural freedom and its context-dependent usage. Debates continue over whether scrambling is primarily syntactic or discourse-driven.

This study focuses on scrambling in Russian, which is characterized by flexible word order and a rich morphological case system. It aims to examine the theoretical motivations, structural characteristics, and discourse functions of Russian scrambling, using the Scientific Transliteration System to present examples.

Russian as a Subject-Verb-Object (**SVO**) language allows word order variation to signal information structure, guided by syntactic, prosodic, and pragmatic constraints. Moreover, the language is relatively homogeneous in terms of syntax across its dialects. Within the standard language, linguists distinguish between literary and colloquial registers, which may exhibit subtle differences in allowable word order patterns (Bailyn, 2012).

The corpus analysis of the Russian National Corpus identifies six attested word orders: SVO, OVS, SOV, VSO, VOS, and OSV (Billings, 2015). Among these, SVO remains the most frequent and unmarked. Therefore, this study adopts SVO as the canonical word order for analytical purposes.

Theoretical Perspectives on Scrambling

Scrambling has long occupied a central position in the study of syntactic variation across languages. It refers broadly to the phenomenon where constituents deviate from their canonical surface order without affecting core propositional meaning. However, the theoretical interpretation has varied considerably depending on the syntactic framework and empirical focus. Two main traditions have emerged so far, as mentioned by Ordóñez (2015). One that denies the necessity of transformational movement to account for altered word orders (Base Generation Approaches), and another that attributes scrambling to syntactic movement operations within hierarchical structures (Movement Approaches). This section outlines these two theoretical trends, following the typology proposed by Ordóñez, while highlighting key assumptions, developments, and points of contention within each tradition.

1. **Base Generation Approaches.** Base Generation Approaches deny any movement or transformation between the different word order possibilities. In the 1970s, Ken Hale (1983) posited that the word order in a language like Warlpiri is determined by arguments instantiating a flat structure, while languages with a strict word order have a hierarchical structure in their sentences. The differences between languages have been attributed to the configurationality parameter. Hale considered scrambling a purely syntactic operation and categorized languages into configurational and non-configurational types, suggesting that it is only permitted in non-configurational languages. This approach has been deemed applicable to languages such as Warlpiri, Navajo, and Hungarian. Other proponents of this non-movement approach attribute free word order to the addition of seemingly independent arguments (Jelinek, 1984; Baker, 1996; Bošković et al., 1998).

2. **Movement Approaches.** Movement Approaches are based on the widely adopted assumptions of the Minimalist Program, which posits that all movement is driven by probe features of functional heads (Chomsky, 1995, 2000). Additionally, Müller (1997, 1998), Grewendorf et al. (1999), and Saito et al. (1998) assumed that the initial order in all languages was configurational. This order is altered through the movement of different phrases to various positions. These approaches can be subdivided into A-movement and A'-movement

approaches.

Despite extensive research, there remains no unified theory of scrambling that fully captures its cross-linguistic variation. Differences in the optionality, semantic impact, and discourse functions associated with this phenomenon exhibited in different languages have led many scholars to view it as a language-specific phenomenon, shaped by unique morphosyntactic and pragmatic conditions. Particularly, Japanese-style scrambling has been cited as an example that is semantically vacuous and optional, challenging models that tightly couple it to discourse-related motivations (Bošković, 2004).

Scrambling in Russian

Scrambling in Russian presents a number of syntactic and discourse-driven characteristics that distinguish it from other languages. Karimi (2008) identifies several key properties that influence its nature and occurrence across languages.

1. Configurationality. A central debate concerns whether scrambling languages like Russian are configurational or non-configurational. Non-configurational ones are characterized by flat clause structures, where the subject and object occupy the same syntactic level, rendering their order less relevant (Hale, 1983). In contrast, configurational ones exhibit hierarchical relationships between constituents (Saito & Fukui, 1998; Karimi, 2008). Nonetheless, the non-configurationality hypothesis has been challenged by evidence such as syntactic asymmetries, semantic roles, and binding constraints that imply a more hierarchical, configurational structure in Russian.

2. Rich morphology. It is commonly assumed that rich morphological systems correlate with the availability of scrambling. However, Karimi (2008) notes that this correlation is not absolute. While case marking facilitates free word order, it is not a prerequisite. For instance, Modern Persian permits it even though it lacks consistent morphological marking on subjects and objects.

3. Adjunction sites. The availability of adjunction is also proposed as a factor influencing scrambling. According to Müller and Sternefeld, as cited by Karimi (2008), the type and degree of adjunction permitted in a language may affect the range and types available. Russian permits scrambling of both arguments and adjuncts, likely due to its permissiveness in adjunction. English, by contrast, restricts adjunction and generally lacks it. However, Karimi argues that adjunction alone is an insufficient diagnostic, as English occasionally permits limited scrambling-like phenomena.

4. Verb Position. Another possible factor is the position of the verb. Scrambling frequently appears in SOV languages like German, where constituents may precede the verb (Neeleman, 1994). Languages with SVO order, such as English and Scandinavian languages, tend to lack scrambling. Russian, though staying an SVO language, still permits extensive scrambling, complicating the assumed correlation between verb-finality and scrambling. This suggests that verb position alone cannot explain scrambling cross-linguistically.

5. Discourse motivations. While early theories framed scrambling as an optional, stylistic transformation, more recent work reveals its discourse dependency. Nossalik (2005) argues that scrambled and canonical word orders, though semantically equivalent, are used in different contexts, with scrambling reflecting information-structural motivations. Slioussar (2011) emphasizes that it plays a key role in encoding information structure by dividing sentences into topical (given) and focal (new) elements.

This view is supported by Rizzi's (1997) cartographic framework, which proposes a structured

left periphery in sentence architecture. Within this domain, discourse-relevant projections – such as Topic Phrase (TopicP) and Focus Phrase (FocusP) – provide syntactic positions for marking topic and focus. The availability of these positions allows constituents to be reordered according to their discourse role; for example, a phrase may be moved to FocusP to highlight new or contrastive information.

6. Information structure and Russian word order. In neutral SVO order, Russian typically places the topic (theme) before the focus (rheme). According to Sekerina (1999), all other word orders are derived via scrambling. This syntactic movement can be viewed as analogous to wh-movement, targeting specifier positions within TopicP or FocusP, depending on the intended discourse function (see Fig. 1) (Rizzi, 1997; Carnie, 2021).

In a scrambled sentence (1) the focus is on DPs “the cat” and “the mouse”.

(1) Russian

Koška *myš'*₁ *presledovala* *t*₁.
cat-NOM mouse-ACC₁ chased *t*₁
'The cat chased the mouse.'

In scrambled sentences (2) and (3), the focus is on the left periphery – DP “the mouse”. In both sentences, either new information or contrastive information is represented, emphasizing that it was the mouse that the cat chased.

(2) Russian

*t*₁ *Myš'*₂ *presledovala* *koška*₁ *t*₂.
*t*₁ mouse-ACC₂ chased cat-NOM₁ *t*₂
'The mouse was chased by the cat.'

(3) Russian

*Myš'*₁ *koška* *presledovala* *t*₁.
mouse-ACC₁ cat-NOM chased *t*₁
'The mouse was chased by the cat.'

So, in both (2) and (3), the left-peripheral placement of “the mouse” signals either contrastive or new information, demonstrating scrambling’s role in information structuring.

Titov (2020) distinguishes between noncontrastive focus, contrastive focus (**CF**), and emphatic focus (**EF**), showing that only CF and EF can undergo optional A'-movement in Russian. Titov argues that such movement cannot be fully explained by traditional syntactic feature-driven models. Instead, they propose an interface-based approach where movement is licensed only if it results in interpretive disambiguation, that is, if it narrows the range of possible discourse interpretations. CF can move optionally while noncontrastive foci (**NF**) typically remain in situ. The movement is not syntactically required but licensed at the syntax-discourse interface. This licensing follows economy principles: movement is “costly,” so it’s only used if it adds interpretive value (e.g., clarity about contrast). Russian allows multiple landing sites for CF (e.g., left periphery or immediately before the verb), and each step must serve a unique interpretive function. The author also distinguishes between CF and EF, treating EF as a subtype of CF with scalar implications (e.g., surprise or obviousness).

7. Scrambling vs. Topicalization. In some languages, such as German, scholars distinguish between scrambling and topicalization. While the first one refers to relatively

unconstrained reordering within the clause, topicalization typically moves a constituent to the sentence-initial position for focus or emphasis. Russian, however, does not maintain a strict separation between the two; both operations fall under the umbrella of scrambling (Slioussar, 2011).

Overall, as a multifaceted syntactic phenomenon, it cannot be reduced to a single function or theoretical treatment. Theoretical debates have largely centered around whether scrambling is best explained by base-generation approaches, which deny syntactic movement, or by movement-based approaches, which account for constituent displacement through A- and A'-movement within a hierarchical syntactic structure. While these competing models have contributed valuable perspectives, they often leave unresolved how discourse functions interact with syntactic operations.

In the case of Russian, the evidence supports a configurational structure, where scrambling is not merely stylistic, but a rule-governed process influenced by a variety of syntactic and pragmatic factors. These include rich morphological case marking, adjunction possibilities, verb position, and, crucially, the role of information structure, particularly the distinction between given (topical) and new or contrastive (focal) information. It has been shown that in Russian, it may align with broader interface-based models, where constituent movement is licensed only when it contributes to discourse interpretation.

Despite this progress, the existing literature presents a wide but fragmented array of scrambling types. Few studies attempt to synthesize these types into a unified classification that accounts for both the distance a constituent moves and the syntactic nature of what is displaced. Given these gaps, this study aims to provide a comprehensive classification of scrambling in Russian based on the movement type.

To achieve this goal, the following research questions guide the investigation:

1. What major types of scrambling in Russian have been identified in the existing linguistic literature?
2. How can these types be synthesized into a unified classification based on the movement type?

Materials and Instruments

The study is based on the linguistic analysis of sentence data, including: (a) author-constructed examples for demonstrating scrambling types and (b) examples adapted from published studies.

The data were selected and organized manually, based on linguistic relevance and representativeness. All Russian examples are presented using the Scientific Transliteration System, which supports consistency and clarity for readers unfamiliar with Cyrillic script.

Procedures

The study uses formal syntactic analysis and discourse-functional interpretation to examine scrambling constructions. Key analytical procedures include (a) identifying types of movement (e.g., A- vs. A'-movement), (b) categorizing examples based on locality (e.g., clause-bound vs. long-distance), (c) analyzing the syntactic category of the displaced element (e.g., argument, adjunct, modifier), (d) interpreting the discourse function (e.g., topic marking, contrastive focus, emphasis).

These patterns are examined within a multidimensional classification model, informed

by The Minimalist Program (Chomsky, 1995, 2000), Cartographic Syntax (Rizzi, 1997), and Interface-based Licensing of Movement (Titov, 2020).

Together, these models enable the analysis of constituent displacement as both structurally constrained and pragmatically motivated.

Results

This section categorizes scrambling types in Russian based on existing classifications, primarily focusing on (a) locality constraints, which determine how far elements can move, and (b) structural constraints, which define what can be displaced and how. This analysis aimed to align with established frameworks while refining the distinctions to enhance clarity and coherence. Given the complexity of scrambling, we have sought to present a structured approach that integrates both syntactic movement mechanisms and their discourse functions.

Locality-based scrambling types

The suggested classification according to locality constraints follows Ordóñez (2015), distinguishing between (a) object shift, (b) clause-bound, and (c) long-distance scrambling. These movement types vary in terms of distance movements limiting how far constituents can move.

Object shift describes the overt movement of objects internal to the sentence. In (4), the objects are shifted – indirect object (**IO**) – direct object (**DO**) word order and differ from the canonical DO-IO word order, where IO is an indirect object and DO is a direct object.

(4) Russian

Maša dala Pete₁ knigu t₁.
 Masha-NOM gave Petia-DAT₁ book-ACC t₁
 'Masha gave Petia the book.'

Clause-bound scrambling refers to a type of syntactic movement in which constituents (such as subjects, objects, or adverbials) are displaced within a clause. However, the movement occurs within one clause as in (5).

(5) Russian (Bailyn, 2020)

Ja znaû čto Boris xočet [CP čtoby knigu₁ Maša pročitala t₁].
 I-NOM know what Boris wants [CP that book₁ Masha read t₁].
 'I know that it's the book that Boris wants Masha to read.'

This type is referred to as Local Scrambling by Zimmerling (2011).

Long-distance scrambling is a syntactic phenomenon where constituents are displaced from their base position to a position that is not adjacent to the head of the phrase. This type involves movement over long distances within a sentence. Long-distance scrambling, like *wh*-movement, is overt, leftward A'-movement (Bailyn, 2020). Examples of DP (6) and CP (7) long distance movement are suggested by Bailyn.

Zimmerling (2011) defines unbounded scrambling as a broader category of movement that

is not restricted by a specific structural boundary and may cross multiple clause layers. While unbounded and long-distance scrambling appear similar, they differ in terms of movement constraints, syntactic boundaries, and licensing conditions. Unbounded scrambling is characterized by cross-clause movement, where a scrambled element moves beyond its original clause, affecting multiple verbal heads. Long-distance scrambling, according to Zimmerling, falls within this broader category, specifically referring to cases where elements are extracted into higher clauses.

(6) Russian (Bailyn, 2020)

Ja znaû čto [DP knigu]₁ Boris xočet čtoby Maša pročitala t₁. (DP scr)
 I-NOM know what [DP book]₁ Boris wants that Masha read
t₁
 'I know that the book, Boris wants Masha to read.'

(7) Russian (Bailyn, 2020)

[CP Čtoby Maša pročitala knigu]₁ ja znaû čto Boris xočet t₁. (CP scr)
 [CP that Masha read book]₁ I-NOM know what Boris wants *t₁*
 'That Masha read the book, I know what Boris wants.'

Overall, four locality-based scrambling types have been identified in Russian, each differing in the distance over which elements can move, and the structural boundaries involved.

1. Object Shift.
2. Clause-Bound.
3. Long-Distance.
4. Unbounded.

Structure-based scrambling types

The so-called structure-based types depend on the type of a syntactic element being affected by scrambling.

The two widely accepted types are A-scrambling (argument shift) as in (8) and A'-scrambling (non-argument shift) as in (9) (Lee, 2013).

(8) Russian A-scrambled sentence

Knigu₁ Maša dala Pete t₁ včera.
 book-ACC₁ Masha-NOM gave Petia-DAT *t₁* yesterday-ADV
 'Masha gave Petia the book yesterday.'

[context] 'Did Masha give a book or a notebook to Petia yesterday? – It's a book that Masha gave Petia yesterday.'

(9) Russian A'-scrambled sentence

Včera₁ Maša dala Pete knigu t₁.
 yesterday-ADV₁ Masha-NOM gave Petia-DAT book-ACC *t₁*
 'Yesterday Masha gave Petia the book.'
 [context] 'When did Masha give a book to Petia?'

However, other grouping discussed by Zimmerling (2011) is based on sentence categories that can be of the following types: a) verbal arguments as in (10); b) adjuncts as in (11); c) modifiers as in (12); d) verbal heads as in (13); e) phrasal constituents as in (14).

(10) Verbal argument

t_1 *dala knigu* *Pete* *Maša₁* *včera*.
 t_1 gave book-ACC Petia-DAT Masha-NOM₁ yesterday-ADV
 'She (Masha) gave Petia the book yesterday.'

(11) Adjunct

včera₁ *Maša* *dala knigu* *Pete* t_1 .
 yesterday-ADV₁ Masha-NOM gave book-ACC Petia-DAT t_1
 'Yesterday Masha gave the book to Petia.'

(12) Modifier

Interesnuyu₁ *Maša* *dala* t_1 *knigu* *Pete* *včera*.
 Interesting₁ Masha-NOM gave t_1 book-ACC Petia-DAT
 yesterday-ADV
 'It's interesting, the book that Masha gave Petia yesterday.'

(13) Verbal Heads

Maša t_1 *Pete* *knigu* *dala₁* *včera*.
 Masha-NOM t_1 Petia-DAT book-ACC gave₁ yesterday-ADV
 'Masha gave Petia the book yesterday.'

(14) Phrasal Constituent

[*Interesnuyu* *knigu*]₁ *Maša* *dala* t_1 *Pete* *včera*.
 [Interesting-ADJ book-ACC]₁ Masha-NOM gave t_1 Petia-DAT
 yesterday-ADV
 'It's an interesting book that Masha gave Petia yesterday.'

Under the Principles-and-Parameters theory (Chomsky, 1986), two major types of clause-internal scrambling are identified in Russian: phrasal XP Scrambling and Split Scrambling. XP-Scrambling, illustrated in (15), has been argued to represent an operation that moves a maximal projection (**XP**) from its base position to a landing position higher in the clause and obeys familiar restrictions, e.g., island constraints. Split Scrambling, illustrated in (16), is defined as an operation that breaks up DPs and PPs and moves one or both to different positions in the sentence, thus deriving discontinuous constituents in which a modifier (of any kind) is separated from the N head by other constituents in the clause. Both (15) and (16) were discussed by Sekerina (1999, p. 270).

(15) Russian XP-Scrambling

[_{AdjP} *Šumnuju* *sobaku*]₁ *naši* *sosedi* *kupili* t_1 .
 [_{AdjP} loud-ACC dog-ACC]₁ our neighbors-NOM bought t_1
 'Our neighbors bought a loud dog.'

(16) Russian Split Scrambling

$[_{AdjP} \text{Šumnuju}]_1$ *kupili* *naši* *sosedi* t_1 $[_{AdjP} \text{sobaku}]$.
 $[_{AdjP} \text{loud-ACC}]_1$ bought our neighbors-NOM t_1 $[_{AdjP} \text{dog-ACC}]$
 ‘Our neighbors bought a loud dog.’

The two examples (15) and (16) illustrate XP-Scrambling and Split Scrambling, both of which involve movement of the adjective phrase (AdjP) ‘šumnuju sobaku’ (‘a loud dog’). XP-Scrambling retains syntactic cohesion, while Split Scrambling breaks up the phrase, shifting emphasis onto the adjective.

XP-Scrambling, depending on the three possible landing sites, can be of three possible types: a) IP-adjoined position; b) VP-adjoined position; c) Specifier, F(ocus)P (**SPEC, FP**) within the same clause (Sekerina, 1997). Based on the subtypes discussed by Sekerina, it can be suggested the following examples demonstrating them.

(17) Russian XP-Scrambling, IP-adjoined position

$[_{AdjP} \text{Šumnuju}$ $\text{sobaku}]_1$ *naši* *sosedi* *kupili* t_1 .
 $[_{AdjP} \text{loud-ACC}$ $\text{dog-ACC}]_1$ our neighbors-NOM bought t_1
 ‘A loud dog, our neighbors bought.’

(18) Russian XP-Scrambling, VP-adjoined position

Naši *sosedi* $[_{AdjP} \text{šumnuju}$ $\text{sobaku}]_1$ *kupili* t_1 .
 ourneighbors-NOM $[_{AdjP} \text{loud-ACC}$ $\text{dog-ACC}]_1$ bought t_1
 ‘Our neighbors bought a loud dog.’

(19) Russian XP-Scrambling, SPEC, FP

$[_{AdjP} \text{Šumnuju}$ $\text{sobaku}]_1$ *naši* *sosedi* *kupili* t_1 .
 $[_{AdjP} \text{loud-ACC}$ $\text{dog-ACC}]_1$ our neighbors-NOM bought t_1
 ‘It was a loud dog that our neighbors bought.’

In (17), the phrase “a loud dog” stays within the clause, but appears adjoined to IP, which is commonly used for given or topical information, and is less contrastive than left-peripheral focus. This kind of scrambling appears to be optional and discourse-conditioned. While in (18) the structure implies that the scrambled phrase precedes “bought”. Russian allows it, especially for reordering arguments or modifiers within the VP domain. It is less marked and more neutral in discourse than IP- or SPEC, FP-scrambling. (19) is most plausibly analyzed as having the scrambled constituent “a loud dog” located in a specifier position of a Focus Phrase, i.e., SPEC, FP, because the fronted phrase expresses new or contrastive information, which aligns with focus movement. According to Rizzi’s cartographic model (1997), such constituents often move to SPEC, FP when they serve a discourse function (e.g., focus or contrast). Though IP-adjoined position and SPEC, FP (see (17) and (19)) seem to be structurally similar and their positions are both targets of scrambling in Russian, they serve different functions. SPEC, FP is part of the left periphery and hosts contrastively focused elements, marking emphasis or correction, while IP-adjoined positions are lower in the clause and typically used for topical or familiar information, without strong contrast. While SPEC, FP involves A'-movement and discourse salience, IP-adjunction reflects more neutral reordering, often for information

structuring.

Split scrambling, as defined by Goncharov (2015), has two types based on the Information Structure viewpoint: (a) Contrastive Splits (C-Splits) that highlight contrastive focus or contrastive topic and (b) Topicalization Splits (T-Splits) that split a phrase into one topic and one new-information focus. C-Splits are optional as contrast can be marked by prosody alone and do not allow preposition-doubling in Russian, while T-Splits are obligatory (topic must be fronted), where preposition-doubling is allowed or required. An example with “a loud dog” we analyzed from Goncharov’s viewpoint, where (20) represents the C-Split to contrast “loud” to “quite”, while (21) is an example of T-Split. Syntactically, both sentences do not differ, however, they convey different information. The prosody marks follow the suggestions by Goncharov: $\backslash_2$ = contrastive focus, falling contour IK-2; $\backslash_1$ = new information focus, falling contour IK-1; / = topic, rising contour.

(20) C-split scrambling

[_{AdjP} Šumnuju $\backslash_2$] ₁	<i>kupili</i>	<i>naši</i>	<i>sosedī</i>	<i>t₁</i>	[_{AdjP}
sobaku].					
[_{AdjP} loud-ACC] ₁	bought	our	neighbors-NOM	<i>t₁</i>	[_{AdjP} dog-
ACC]					

‘Our neighbors bought a LOUD (not quiet) dog.’

(21) T-Split Scrambling

[_{AdjP} Šumnuju/] ₁	<i>kupili</i>	<i>naši</i>	<i>sosedī</i>	<i>t₁</i>	[_{AdjP}
sobaku\1].					
[_{AdjP} loud-ACC] ₁	bought	our	neighbors-NOM	<i>t₁</i>	[_{AdjP} dog-ACC]

‘As for the dog, our neighbors bought a loud one.’

Belova (2023) defined split scrambling as syntactic configurations in which a constituent is discontinuously split, with its parts separated by other elements in the sentence. In the Russian context, this typically involves either: (a) early split, where a modifier (like a determiner or possessor) is separated from its head noun, or (b) late split, where the head noun is separated from its complement (such as an infinitival clause or prepositional phrase). This definition is grounded in Belova’s investigation of how such splits affect syntactic acceptability, processing effort, and prosodic realization, with special attention to the interaction between word order and information structure.

Scrambling can thus be categorized under structure-based types, which classify movement based on the syntactic nature of the displaced element. This includes argument vs. non-argument shift, where arguments (subjects, objects, indirect objects) and non-arguments (adjuncts, modifiers) undergo reordering. Additionally, sentence category-based scrambling differentiates movement depending on the affected element, such as verbal arguments, adjuncts, modifiers, verbal heads, and phrasal constituents. Lastly, phrasal movement types include XP-Scrambling, which involves the displacement of an entire syntactic constituent while maintaining cohesion, and Split Scrambling, where only part of a phrase is moved, leading to discontinuous structures.

The typological distinctions discussed above, based on argument movement, sentence-level category displacement, and internal clause structure, are synthesized and visually organized in

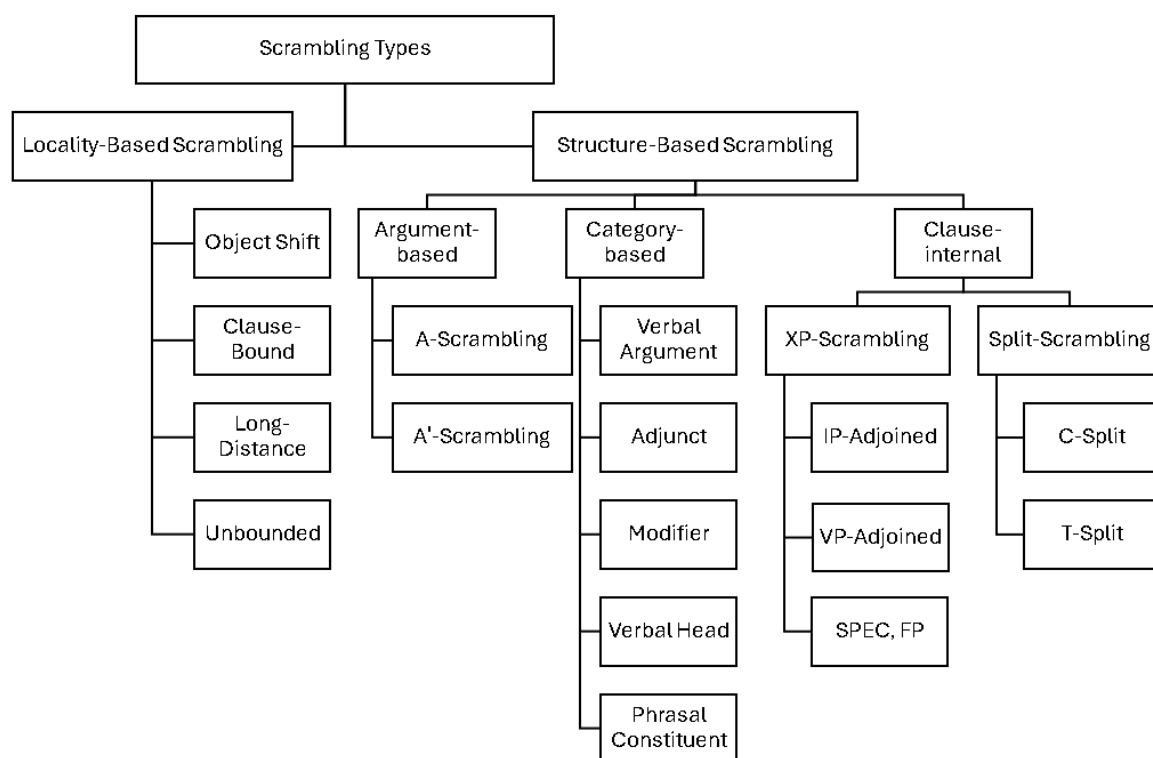

Fig. 1. Movement-Based Typology of Scrambling in Russian

the classification scheme presented in Fig. 1. This diagram captures the multidimensional nature of scrambling in Russian and highlights how different operations can be grouped according to the type of syntactic structure affected. By structuring these categories along distinct axes, the classification provides a clearer understanding of how movement types align with theoretical constructs in contemporary syntactic theory.

Discussion

This study set out to offer a unified classification of scrambling in Russian by synthesizing theoretical approaches and empirical findings. Drawing on the Minimalist Program (Chomsky, 1995, 2000), Cartographic Syntax (Rizzi, 1997), and interface-based perspectives (Titov, 2020), the research proposes a multidimensional framework for understanding how and why scrambling occurs in Russian.

The classification centers on two intersecting axes. The locality axis distinguishes movement by its range – object shift, clause-bound, long-distance, and unbounded scrambling – while the structural axis addresses the syntactic status of the displaced element: arguments, adjuncts, modifiers, verbal heads, and phrasal constituents. These classifications map onto known distinctions in the literature such as A- vs. A'-movement (Lee, 2013), and XP- vs. Split Scrambling (Sekerina, 1999; Belova, 2023).

The study demonstrates that scrambling in Russian is structurally constrained and interpretively motivated. For instance, movement to IP-adjoined or SPEC, FP positions

reflects discourse distinctions: the former typically encodes topical, given information, while the latter signals focus or contrast. These patterns support the view that Russian scrambling is not stylistically optional but governed by a logic of discourse economy and configurational syntax.

The analysis of prosodically marked splits, particularly from Goncharov (2015), illustrates how intonation interacts with syntax to signal discourse roles, such as contrastive or emphatic focus. This synergy between morphosyntactic flexibility and discourse sensitivity underlines scrambling's functional load in Russian.

Overall, the study advances our understanding of scrambling as a syntactically principled and pragmatically driven process. The typology developed here offers new tools for cross-linguistic analysis, theoretical modeling, and applications in language learning and processing. Russian emerges as a valuable testing ground for refining syntactic theory in discourse-configurational languages.

Conclusion

This study has examined the phenomenon of clause-internal scrambling in Russian through the lens of generative syntax, offering a comprehensive movement-based typology that integrates locality, structural category, and discourse function. Scrambling, defined here as the reordering of constituents without altering propositional meaning, is shown to be a grammatically constrained and interpretively motivated process rather than a mere stylistic variant.

The analysis distinguishes between base-generation and movement-based approaches, ultimately arguing for the latter based on evidence from syntactic asymmetries, configurational structure, and interaction with information structure. The proposed classification captures both the distance over which constituents can be displaced – ranging from object shift to long-distance and unbounded scrambling – and the syntactic nature of the displaced elements, including arguments, adjuncts, modifiers, and phrasal units.

Crucially, this study emphasizes that scrambling in Russian aligns with the principles of configurational syntax. Movement is subject to economy constraints and is licensed only when it yields discourse-relevant interpretive gains, such as contrastive focus, topicalization, or emphasis. The distinction between IP-adjoined and SPEC, FP positions reflects this interpretive dimension, as do prosodically marked constructions such as Split Scrambling.

The classification framework developed here contributes not only to the theoretical understanding of word order flexibility in Russian but also to broader cross-linguistic typological inquiries. It provides a basis for analyzing scrambling in other discourse-configurational languages and sets the stage for future work in psycholinguistic processing, language acquisition, and computational parsing.

Ultimately, this research underscores the importance of considering both syntactic structure and discourse context in the analysis of movement phenomena. Scrambling in Russian offers a fertile ground for testing and refining theories at the syntax-discourse interface, reaffirming its value for theoretical linguistics and practical applications alike.

Список литературы

1. Bailyn, J.F. The Scrambling Paradox / J.F. Bailyn // *Linguist.* – 2020. – Vol. 51. – No. 4. –

P. 635–669.

2. Bailyn, J.F. *The Syntax of Russian* / J.F. Bailyn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2012. – 373 p.

3. Baker, M.C. *The Polysynthesis Parameter* / M.C. Baker. – Oxford : Oxford University Press, 1996.

4. Белова, Д.Д. Синтаксис и просодия расщепленного скремблинга: опыт экспериментального исследования / Д.Д. Белова // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии : материалы ежегодной международной конференции, Москва, 14–16 июня 2023 года. Том Выпуск 22. Доп. том. – М. : Б. и., 2023. – С. 1001–1008.

5. Billings, S.K. *A Corpus-Based Analysis of Russian Word Order Patterns* / S.K. Billings. – ProQuest Dissertations Publishing: Brigham Young University, 2015.

6. Bošković, Ž., Takahashi, D. *Scrambling and Last Resort* / Ž. Bošković, D. Takahashi // *Linguistic Inquiry*. – 1998. – Vol. 29(3). – P. 347–366.

7. Bošković, Ž. *Topicalization, Focalization, Lexical Insertion, and Scrambling* / Ž. Bošković // *Linguist.* – 2004. – Vol. 35. – No. 4. – P. 613–638.

8. Carnie, A. *Syntax: A Generative Introduction*. 4th ed. / A. Carnie. – Chichester : Wiley Blackwell, 2021. – 528 p.

9. Chomsky, N. *Minimalist Inquiries: The Framework* / N. Chomsky // In: Martin, R., Michaels, D., Uriagereka, J. (eds.). *Step by Step: Essays on Minimalist Syntax in Honor of Howard Lasnik*. – Cambridge, MA : MIT Press, 2000. – P. 89–156.

10. Chomsky, N. *The Minimalist Program* / N. Chomsky. – Cambridge, MA : MIT Press, 1995.

11. Chomsky, N. *Barriers* / N. Chomsky. – Cambridge, MA: MIT Press, 1986. – 102 p.

12. Chomsky, N. *Filters and Control* / N. Chomsky, H. Lasnik // *Linguist.* – 1977. – Vol. 8. – No. 3. – P. 425–504.

13. Goncharov, J. *P-Doubling in Split PPs and Information Structure* / J. Goncharov // *Linguist.* – 2015. – Vol. 46. – No. 4. – P. 731–742.

14. Grewendorf, G. *Scrambling in German and Japanese: Adjunction versus Multiple Specifiers* / G. Grewendorf, J. Sabel // *Natural Language & Linguistic Theory*. – 1999. – Vol. 17(1). – P. 1–65.

15. Haider, H. *A Null Theory of Scrambling* / H. Haider // *Zeitschrift für Sprachwissenschaft*. – 2020. – Vol. 39(3). – P. 375–405.

16. Hale, K. *Warlpiri and the Grammar of Non-configurational Languages* / K. Hale // *Natural Language & Linguistic Theory*. – 1983. – Vol. 1. – No. 1. – P. 5–47.

17. Jelinek, E. *Empty Categories, Case, and Configurationality* / E. Jelinek // *Natural Language & Linguistic Theory*. – 1984. – Vol. 2(1). – P. 39–76.

18. Karimi, S. *Scrambling* / S. Karimi // *Linguistics and Language Compass*. – 2008. – Vol. 2. – No. 6. – P. 1271–1293.

19. Lee, E. *Types of Scrambling in Korean Syntax* / E. Lee. – Chapel Hill, 2007.

20. Müller, G. *Incomplete Category Fronting* / G. Müller. – Springer, 1998.

21. Müller, G. *Optional Movement and the Interaction of Economy Constraints* / G. Müller // In: Wilder, C., Gärtner, H.-M., Bierwisch, M. (eds.). *The Role of Economy Principles in Linguistic Theory*. – Berlin: Akademie Verlag, 1997. – P. 115–145.

22. Neeleman, A. *Scrambling as a D-structure Phenomenon* / A. Neeleman // In: Corver, N., Riemsdijk, H. van (eds.). *Studies on Scrambling: Movement and Non-Movement Approaches to*

- Free Word-Order Phenomena. – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 1994. – P. 387–430.
23. Nossalik, L. The A/A'-Status of Russian Scrambling / L. Nossalik // McGill Working Papers in Linguistics. – 2005. – Vol. 19. – No. 2. – P. 65–102.
24. Ordóñez, F. Scrambling / F. Ordóñez // In: Luraghi, S., Parodi, C. (eds.). The Companion to Syntax and Syntactic Theory. – London: Continuum Press, 2015. – P. 143–153.
25. Rizzi, L. The Fine Structure of the Left Periphery / L. Rizzi // In: Haegeman, L. (ed.). Elements of Grammar. – Dordrecht: Springer, 1997. – P. 281–337.
26. Ross, J. Constraints on Variables in Syntax: PhD Dissertation / J. Ross. – Massachusetts Institute of Technology, 1967. – 501 p. – URL: <https://dspace.mit.edu/handle/1721.1/15166>
27. Saito, M. Order in Phrase Structure and Movement / M. Saito, N. Fukui // Linguistic Inquiry. – 1998. – Vol. 29(3). – P. 439–474.
28. Sekerina, I. The Scrambling Complexity Hypothesis and Processing of Split Scrambling Constructions in Russian / I. Sekerina // Journal of Slavic Linguistics. – 1999. – Vol. 7. – No. 2. – P. 265–304.
29. Sekerina, I.A. The Syntax and Processing of Scrambling Constructions in Russian: Doctoral Dissertation / I.A. Sekerina. – New York: The City University of New York, 1997.
30. Slioussar, N. Processing of a Free Word Order Language: The Role of Syntax and Context / N. Slioussar // Journal of Psycholinguistic Research. – 2011. – Vol. 40. – No. 4. – P. 291–306.
31. Titov, E. Optionality of Movement / E. Titov // Syntax. – 2020. – Vol. 23. – P. 347–374.
32. Zimmerling, A. Scrambling Types in the Slavic Languages / A. Zimmerling // Computational Linguistics and Intellectual Technologies. – 2011. – Vol. 10. – No. 17. – P. 750–766.

References

4. Belova, D.D. Sintaksis i prosodiya differentsial'nogo skremblinga: opyt eksperimental'nogo issledovaniya / D.D. Belova // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nyye tekhnologii : materialy yezhegodnoy mezhdunarodnoy konferentsii, Moskva, 14–16 iyunya 2023 goda. Tom Vypusk 22. Dop. tom. – M.: B. i., 2023. – S. 1001–1008.

Скремблинг в синтаксисе русского языка: типология, основанная на движении

Б.В. Соктоева, М.Г. Аюшеева, И.В. Абидуева, Д.Ц. Очиржапова
(Россия)

Ключевые слова: дискурсивные функции; конфигурационность; локальность; русский синтаксис; скремблинг; структура; типология движения.

Аннотация: Данное исследование посвящено скремблингу в русском языке – синтаксическому явлению, при котором члены предложения могут менять порядок без изменения пропозиционального значения. Цель статьи – разработать единую типологию скремблинга, объединяющую синтаксические механизмы и дискурсивные

функции. Исследование исходит из гипотезы о том, что скрэмблинг в русском языке лучше объясняется теориями перемещения, учитывая его конфигурационную структуру и чувствительность к информационной структуре. Задачи включают обзор теоретических моделей, анализ синтаксических и дискурсивных характеристик, а также разработку классификации типов скрэмблинга на основе свойств перемещения. В работе используется дескриптивная методология, основанная на минималистской программе, картографическом синтаксисе и теориях интерфейса. Результаты подтверждают движение как основу скрэмблинга и выделяют три типа: а) по локальности (напр., перестановка объекта, дальнейшее перемещение); б) по структуре (А- и А'-перемещение); с) по категории (аргументы, обстоятельства, модификаторы и др.). Особое внимание уделено ХР- и расщепленному скрэмблингу, выполняющим дискурсивные функции топикализации и контрастного фокуса. Скремблинг в русском языке представляет собой структурно ограниченный и прагматически мотивированный процесс.

© B.V. Soktoeva, M.G. Aiusheeva, I.V. Abidueva, D.T. Ochirzhapova, 2025

УДК 811.13-112

Деятели Плеяды об адвербиально-адъективных коммутациях как средстве обогащения французского языка

Е.В. Дубовая
(Россия)

E-mail: dubovaya.helene@yandex.ru

...

Ключевые слова и фразы: адвербиально-адъективные коммутации; источники обогащения французского словаря; конструкции с двойным предикатом; поэты-теоретики Плеяды; процессно-квалификационный предикат.

Аннотация: В статье рассматривается специфическое явление французского синтаксиса – употребление прилагательного вместо наречия в качестве заглагольного определения в исторической ретроспективе в контексте творческих изысканий деятелей Плеяды, направленных на обогащение и «прославление» французского языка.

Рекомендуемое французскими реформаторами в числе других нововведений использование прилагательного в роли предикативного определения на деле связано не столько с весомостью и значимостью слова как центральной и самодовлеющей единицы речи или же процессами словообразования как потенциальным способом увеличения словаря, сколько с особой разновидностью семантико-синтаксической предикации, функционально реализующейся в рамках одного из подвидов глагольно-именных конструкций, так называемых предложений с двойной предикацией.

Взаимозамены отдельных адвербиальных и адъективных единиц во фразе, бытовавшие на уровне вероятностных тенденций и тонко схваченные поэтами-новаторами, по мере развития языка приобретают прогрессирующий характер, порождая многочисленные структурно-семантические аналоги.

...

Введение

Среди многообразных и вариативных синтаксических конструкций французского язы-

ка, составляющих тренды в современном употреблении, большой удельный вес приходится на долю предложений со смешанной предикацией, в которых прилагательное, выступая в роли предикативного определения, коммунтирует с наречием, выполняя полуатрибутивную, полуобстоятельную функцию. Между отдельными разновидностями таких образований зачастую весьма сложно провести демаркационную линию, так как разработка критериев адекватного разграничения собственно атрибута и его субститута – обстоятельного определения – константно стоит на повестке дня, что обуславливает актуальность выбора нашей темы.

Новизна подхода к проблеме заключается в том, что рассмотрение некоторых из указанных синтаксических структур, высокочастотных в современном французском языке, дается в исторической ретроспективе, с опорой на теоретические разработки и поэтические тексты представителей новой французской поэзии – Дю Белле и Ронсара. Отдельные синтаксические реализации такого рода, не чуждые языку как таковому, но первоначально не имевшие, по всей вероятности, столь широкого хождения в речевой практике, были подмечены и взяты на вооружение выдающимися литераторами Ренессанса. В трудах, посвященных путям обогащения и преобразования национального языка, они, в частности, предвосхитили наметившиеся тенденции в употреблении моделей с двойным предикатом, иначе называемых предложениями с предикативным определением.

Хотя теоретики Возрождения не занимались специально проблемами синтаксиса в современном научном понимании и были сосредоточены прежде всего на экспрессивно-семантическом потенциале слова, обогащении лексической стороны языка, выявленные ими богатые стилевые возможности использования прилагательного вместо ожидаемого наречия в качестве заглагольного определения (термин В.Г. Гака) послужили сигналами наличия особой синтаксической категории, причисляемой к одному из базовых типов в современном французском языке. Продемонстрировать эту синтаксическую составляющую у стихотворцев-авангардистов XVI в. представляется нам как главная цель исследования. В этой связи стоит также подчеркнуть, что упомянутое художественное средство, которое рекомендуется ими для интенсивного внедрения в языковую практику, присуще преимущественно языку художественных текстов, литературно обработанной письменной речи, поскольку в спонтанной разговорной речи коммуниканты вряд ли станут оперировать подобными семантически осложненными синтаксическими схемами: «Феномен разговорного языка, [...] доминирующий в диалогическом дискурсе» [4], не предусматривает воплощения некоего специфически авторского замысла, связанного с приращением дополнительной смысловой и эстетической нагрузки.

Основные результаты и обсуждение

Ронсара и Дю Белле по праву называют революционерами во французской поэзии. Эстетические воззрения и практическая стилевая программа ведущих деятелей литературной группы Плеяды нашли отражение в литературном Манифесте, где особое внимание уделялось вопросам реформирования и всестороннего обогащения французского языка, поискам новых экспрессивных возможностей в передаче поэтической мысли. Главный способ «прославления» языка, потенциальная возможность усиления его выразительности состоит, по их мнению, в словотворчестве, в увеличении лексического запаса языка, чему должны способствовать прежде всего лексические заимствования из древних языков – греческого и латинского, равно как и диалектизмы и архаизмы из исконных национальных французских фондов [11; 14]. Основной акцент ставится на слове, которое

возводится в ранг самостоятельной и самодостаточной единицы речи. Проблемы синтаксиса грамматикой XVI в. почти не разрабатываются [3; 7].

Но в силу того, что все элементы языка взаимосвязаны, носят системный характер, энтузиасты Ренессанса в процессе своей инновационной работы над совершенствованием языка поэтических текстов, помимо словаря, невольно затрагивают и другие языковые сферы, не могут их не коснуться, поскольку слово всегда функционирует в определенном окружении, обусловлено своим положением во фразе.

Одним из таких моментов, попутно подмеченных Малербом в его резкой полемике с реформаторами, явилось весьма характерное для поэтов Плеяды употребление прилагательного вместо наречия, типа *ils combattent obstinez* вместо *obstinement*, где *obstinez* характеризует и глагол, и субъект одновременно [3].

Глубоко и тонко чувствуя природу языка, взаимосвязи и взаимозависимости языковых явлений, Ронсар и Дю Белле разрабатывают различные прикладные методы и приемы для достижения максимальной стилиевой насыщенности и выразительности слова и советуют, в частности, среди прочих средств активно использовать в роли предикативного определения имена прилагательные вместо наречий: «*Usez donques des noms pour les adverbess comme «ils combattent obstinez» pour «obstinement», «il vole leger» pour «legerement», et mil autres manières de parler, que tu pourras mieux observer par fréquente et curieuse lecture, que je ne te les sçauray dire»* [11].

По поводу приведенного примера, решительно осуждаемого Малербом, следует отметить, что подобного рода структурные модели имеются и в современном французском языке, сравните, например: «*La neige tombe abondante*».

Е.А. Реферовская, касаясь проблемы словообразовательных процессов и корреляций между частями речи, отмечает, что, поскольку проявление качества как одного из специфических аспектов смыслового потенциала прилагательного может зависеть от характера протекания действия, большинство качественных прилагательных пополняет ряды грамматической категории наречий, образуя с помощью суффикса «*ment*» соответствующие морфологические формы, которые обычно сохраняют значение исходного прилагательного. Благодаря такой преемственности семантического наполнения возможны синтаксические взаимозамены отдельных адвербиальных и адъективных форм во фразе. Ввиду этого в современном французском языке прилагательное все чаще выступает в функции предикативного определения – члена предложения, промежуточного между собственно эпитетом и обстоятельством [13].

В.Г. Гак рассматривает подобную синтаксическую структуру как глагольно-именное сказуемое и использует для его обозначения термин «процессно-квалификационный предикат», поскольку последний обозначает признак субъекта в момент данного действия или состояния и обычно выражается полнозначным глаголом, выступающим в роли связки, и прилагательным, причастием, существительным. Именная часть не обособлена от глагольной [1].

В случае употребления наречия дается характеристика действия и, опосредованно, лица, которое является автором действия. Если применяется прилагательное, то фокусировка делается на характеристике действующего лица, то есть в какой-то степени прилагательное приращивает стилиевой оттенок эпитета, но также косвенным образом детерминируется и производимое этим лицом действие. Сравните, например: *Elle chante faux. Elle sourit silencieuse* [13].

Употребление прилагательного в роли обстоятельственного определения, когда последнее характеризует одновременно и подлежащее, и сказуемое и носит полуатрибу-

тивный, полуобстоятельный характер, присуще предложениям с двойной или смешанной предикацией.

С точки зрения синтаксической классификации данный разряд относят к одному из промежуточных звеньев, занимающих место между глагольным и номинативным типами предложений.

Предложения с предикативным определением (с двойным предикатом) представляют собой особый подвид семантико-синтаксической предикации, являясь одним из ее наиболее продуктивных типов в современном французском языке [2]. Одной из ее характерных примет является наличие сказуемого, выраженного полнозначным глаголом и одновременно сопровождающегося именной или адъективной частью [6].

Как известно, в современном французском синтаксисе выделяют два основных структурных типа предложений: глагольные (*phrases verbales*) и номинативные (*phrases nominales*, или *non-verbales*).

Применительно к описанию предложений собственно глагольного типа – *phrases verbales* – французские грамматисты предлагают, в свою очередь, термины *phrase d'état* и *phrase d'action*. Здесь имеется в виду, что внутри собственно глагольных предложений различают два подвида, противопоставляемых в зависимости от их синтаксической организации:

1) структуры, образованные с помощью глагола *être* или его заместителей (*sembler, paraître, se montrer, se sentir* и др.), способных осуществлять функцию связки и присоединять атрибутивный элемент: «*Paul est professeur. Ils deviennent célèbres. Elle semble bonne*»;

2) структуры, образованные с помощью переходного глагола или любого глагола, функционально сводимого к глаголу *avoir*, то есть глаголу, способному, хотя бы при условии модификации лексического значения, осуществлять функцию управления и присоединять прямое или косвенное дополнение, при этом последний конституент – дополнение – является факультативным: «*Il achète des livres. Ce livre me plaît. Il lit. Il lit bien*».

Это ключевое различие между «*phrase d'état* и *phrase d'action*» внутри вербальных предложений, основанное на разноплановой природе глаголов, обеспечивающих соответствующие синтаксические построения, оставляет, однако, в стороне, за пределами данной классификации, целую серию предложений, созданных на основе непереходных глаголов, которые, хотя и приравняются семантически к глаголу-связке «*être*», не могут расцениваться как ее субституты и не образуют подобные ей синтаксические структуры, или же способны выполнять эту роль лишь частично, в имплицитной форме, завуалированной их лексическим значением и в зависимости от степени их относительной десемантизации [10].

Проблема классификации предложений, построенных на базе указанных глаголов, довольно сложна. Все зависит от третьего компонента, который присоединяется к глаголу во фразе и само присутствие которого продиктовано глаголом или не зависит от него. Если в данном использовании глагол не требует обязательного наличия третьего члена, предложение может рассматриваться как вербальное – «*phrase d'action*» – и относится в таком случае ко второй основной модели предложений данного класса: «*Les soldats marchent. Ils marchent vite. Elle reste à la maison. Ils arrivent demain*».

В указанных случаях глагол-сказуемое либо является самодостаточным (пример 1), либо требует детерминации, касающейся только самого этого глагола, дополняя его лексическое значение с помощью обстоятельства образа действия (пример 2), или же только обстоятельства, уточняющего время, место и т.д., выраженного глаголом действия (при-

меры 3, 4).

Но если в данном употреблении глагол лишается своего лексического значения, становится чем-то вроде лексикализованной связки, позволяющей ввести определение, которое относится в равной мере как к подлежащему, так и к глаголу, одновременно к ним обоим, предложение приближается к первому из названных выше основных типов глагольных предложений, то есть оказывается пограничным с «*phrase d'état*» или, скорее, представляет промежуточный подвид, который можно назвать «*phrase à prédicat double*» – предложение с двойным предикатом [2; 5; 8]. Это предложение строится по схеме: *S-V neutre (copule lexicalisée) – Détermination prédicative* (Подлежащее – Непереходный глагол (лексикализованная связка) – Предикативное определение). Предикативное определение является полуатрибутивным, полуобстоятельственным, как это видно из следующих примеров:

- 1) *Il arriva radieux*;
- 2) *Elle restait indécise*;
- 3) *Le domestique partit mobilisé (Georges Cogniot)*;
- 4) *La neige tombe abondante*.

Во всех вышеприведенных фразах третий член предложения относится как к подлежащему, так и глаголу.

Действительно, в первом примере «*Il arriva radieux*» предложение обозначает одновременно два момента, как бы надстраивающиеся один над другим: 1) тот факт, что он пришел; 2) что он пришел сияющий. Глагол полной предикации «*arriva*», способный самостоятельно образовывать предложение [1], обозначает факт прибытия и выражает соответствующее связанное с ним действие. Но, помимо того, тот же самый глагол приобретает латентную функцию грамматической связки, потенциально возможную для любого субъектного (одновалентного) глагола – *verbe subjectif*, связывая детерминатив «*radieux*» с подлежащим «*il*» и постулируя тем самым включение в единое целое вторую часть предложения: «*Il est radieux*».

Степень десемантизации глагола может быть различной. В первом из приведенных примеров она наименьшая. Во втором примере глагол «*rester*» практически лишен лексического содержания, более формален и, как следствие, сильнее связан с третьим членом. Его функция фразеологической связки высокой степени грамматикализации совершенно очевидна.

В третьем примере характер этих предложений, специфика предикативной детерминации выступает особенно отчетливо. Для сравнения приведем то же предложение, но с другим порядком слов: «*Le domestique mobilisé partit*».

Получится обычное предложение с динамическим глаголом «*partit*» [1], где «*mobilisé*» – рядовое определение к подлежащему и относящееся только к нему. В то же время в предложении «*Le domestique partit mobilisé*» – «*mobilisé*» уже предикативное определение, имеющее отчасти обособленный характер, одновременно относящееся и к подлежащему, и к глаголу, где глагол «*partit*», активизируя свою функцию связки, играет роль двойного предиката, дублируется в «*était mobilisé*» и «*partit*», образуя фразу рассматриваемого промежуточного типа.

Также в четвертом примере, который приводит Ш. Балли, полудетерминативный, полуобстоятельный характер прилагательного выступает с наибольшей отчетливостью. В самом деле достаточно заменить прилагательное производным от него наречием – «*abondamment*», и глагол «*tomber*» воспринимается как одновалентный, *verbe subjectif*, полноценно выражающий свое прямое лексическое значение, а заглагольный элемент –

«*abondamment*» становится обстоятельством, относящимся лишь к глаголу. Фраза в этом случае должна быть причислена к простым глагольным предложениям – «*phrase d'action*» – «*La neige tombe abondamment*». В то время как исходное предложение примера 4 следует отнести к промежуточной категории предложений с двойным предикатом, поскольку глагол «*tomber*» выступает в качестве связки, хотя и в полном объеме сохраняет свое лексическое значение, а прилагательное «*abondante*» должно рассматриваться как предикативное определение, относящееся в одинаковой степени как к глаголу, так и к подлежащему [10].

Интересно отметить, что фактически полные аналоги рассмотренных структурно-семантических подгрупп можно проследить в произведениях поэтов Племыды. На наш взгляд, здесь можно наметить, конечно, в очень схематичном виде, такую примерную сетку синтаксических корреляций.

В первую группу, где полуопределятельный, полубытобстоятельный характер детерминации проявляется, пожалуй, особенно заметно, можно было бы включить следующие примеры [12]:

*«Je vy sa forte ville et le Pau menaçant,
Qui va comme un taureau par les champs mugissant [p. 37]
Que les vers me sont doux, voire autant que tes yeux,
Qui font tousjours Amour sur moy victorieux [p. 54].
Comme un Soleil sans rompre la verriere
Passe en la chambre ondoyant et pointu,
Sans que l'object empesche la vertu
De sa divine et perçante lumière [p. 182]:
J'erre seul égaré : seulement le penser
Pour guide me conduit, et ne me veut laisser [p. 256].
Un de ses fils puisnez, ardent de voir la guerre,
Un camp d'autres puisnez assembla hazardeux,
Et quittant son pays, fait Capitaine d'eux [p. 297]
Ne peut l'oster d'un tel embrassement;
Ains en serrant toujours obstinément
N'a peur de voir sa vie consommée,
Mourant joyeux de sur la branche aimée [p. 402].
Les autres en volant amoureux et contents
Font une fois leur nid au retour du Printemps [p. 304]».*

В данных примерах предложения с двойной предикацией состоят из непереходных глаголов, сильно формализованных и дублирующих в плане лексического значения и функции в предложении, что позволяет им, с одной стороны, выразить действие, совершаемое подлежащим, к которому отсылает их лексическое значение, и, с другой стороны, они одновременно оказываются субститутами глагола-связки «*être*», выражая состояние субъекта действия, играя таким образом роль латентной связки, вводящей подобие атрибута – атрибутивный элемент: «*Qui va mugissant; Passe en la chambre ondoyant et pointu; Mourant joyeux*».

Цель высказывания – привлечь внимание не на действие, а на состояние подлежащего.

Способы выражения атрибуции такого рода более ограничены по сравнению с атрибутами, вводимыми с помощью подлинного глагола-связки. Обычно это прилагательные или адъективированные причастия, или же существительные в предложной или беспредлож-

ной конструкции [10].

Ко второй группе, где качественное прилагательное в атрибутивной функции подчеркивает по большей части состояние предмета в определенный момент времени, думается, принадлежат такие примеры:

*«Si mes vers semblent doux, s'ils ont eu ce bon-heur
Que de plaire à la France, ils m'ont rendu l'honneur [p. 349].
L'autre qui prend la noire couverture,
Se monstre ferme et constant de nature [p. 168].
Pour les amis se monstrent hazardeux,
Afin d'avoir le mesme secours d'eux [p. 153]
Là Marguerite, ornement de nostre âge;
Apparoissoit en sa double valeur
Et tantost perle et tantost une fleur,
Un beau Printemps naissant de son visage [p. 181]».*

Помимо связки «être» употребляются его субституты «sembler, paraître, se montrer, se sentir» и некоторые другие.

Поскольку глаголы-связки являются: 1) либо глаголами, значение которых требует дополнительных пояснений («sembler», «paraître», «se montrer, se sentir»); 2) либо глаголами, полностью десемантизированными в их роли связки («rester», «demeurer»), прилагательное становится неотделимой частью предиката в выражении значения глагольного действия.

К третьей группе примыкают, скорее всего, примеры такого рода:

*«Trois Guerriers incognus, de nation estrange,
Ont laissé leur pays, desirieux de louange [p. 169]
La main victorieuse aura le prix touché,
Que le vaincu pay'ra, honteux de son peché [p. 169].
Portera pour trophée, hautain et glorieux,
Ta despouille à sa Dame [p. 130];
Par les chemins nous avons ouy dire,
Qu'un Prince vit subject de vostre Empire,
Brave et courtois [p. 188]
Et desirons encore, Immortels que nous sommes,
R'essayer les combats et les travaux des hommes [p. 173].
Après qu'il void que son Prince et son maistre
Ne veut ingrat son labeur recognoistre [p. 315].
Quiconque soit ceste vieille maudite,
Perisse, ô Dieux! justement interdite
De feu et d'eau [...],
et trespasse a la fin
Nue, affamée, au milieu d'un chemin [p. 327]».*

Наиболее характерным для всех этих случаев является то, что, находясь в позиции обособления, предикативное определение формально не входит в структуру предиката: «*Ont laissé leur pays, desirieux de louange; Que le vaincu pay'ra, honteux de son peché; Portera pour trophée, hautain et glorieux; Et desirons encore, Immortels; Ne veut ingrat son labeur recognoistre*».

Число глаголов, которые могут дублироваться, образуя квазисвязку, в принципе безгранично. Их отличия от реальных глаголов-связок, так же как и адекватное разграничение между собственно атрибутом и его аналогом – предикативным определением – еще

не выяснены и требуют углубленных исследований [9].

Наконец, в четвертую группу входят, например, такие варианты:

«Et en luy deschirant les muscles et les veines

Le renverserent mort sur les blondes areines [p. 340]

Je me resous d'abandonner la bride

A mon Destin, lequel me sert de guide,

Et au tourment qui me rend langoureux,

En m'assurant que l'homme est mal-heureux [p. 380].

Soy-mesme s'oubliant ne pense plus qu'en luy,

Qu'en luy qui tient la clef de sa douce pensée,

Et la rend comme il veut joyeuse et courroucée [p. 240].

En deux mots brèvement

Je te rendray gaillard et te diray comment [p. 346].

Or, dès le jour que la belle lumière

De vos yeux prit mon ame prisonnière [p. 401].

Demeure, Chevalier, et en la mesme place

Arreste ton cheval et retiens ton audace

Car, soit que la fortune ou soit que le malheur, [...]

Te meine à ce chasteau, entens les aventures

Que tu dois achever, difficiles et dures [p. 129].

Vous leur direz que mon gentil courage,

Comme hautain, donne bien d'avantage

Que des presens, tant soient-ils de grands prix,

Offrant le cœur que vos yeux tiennent pris [p. 189]».

Общей чертой последних примеров является своеобразная форма двойного предиката, свойственная так называемым предложениям с атрибуцией прямого дополнения, в которых атрибут относится не как обычно к подлежащему, но и к прямому дополнению. Наличный переходный глагол при этом дублируется в его предикативной функции, распределяя ее между субъектом действия (подлежащим), относительно которого он выступает в своем полном лексическом значении, и прямым дополнением, относительно которого он выступает в роли связки, присоединяя к нему некое подобие согласованного атрибута; *«Le renverserent mort; Et la rend comme il veut joyeuse et courroucée; Je te rendray gaillard; la belle lumière / De vos yeux prit mon ame prisonnière; Que tu dois achever, difficiles et dures; que vos yeux tiennent pris».*

В этой конструкции обычно употребляются глаголы: *«trouver»*, *«prendre»*, *«tenir»*, *«estimer»*, *«appeler»*, *«faire»*, *«rendre»*, *«laisser»*. В современном французском языке чаще всего они встречаются в сегментированных конструкциях, которые подчеркивают предикативный, а не чисто детерминативный характер этого атрибута прямого дополнения, привязывая глагол к прилагательному [10].

Заключение

Делая упор на словотворчество, преследуя прежде всего цель обновления лексической стороны языка, реформаторы выходят на новый качественный уровень рекомендуемых языковых преобразований, затрагивая сферу синтаксиса, семантико-синтаксической предикации.

Пропагандируемые поэтами Плеяды для внедрения в лингвистический обиход струк-

туры с заглагольным определением, где прилагательное коммунитирует с наречием в функции предикативного детерминатива, в настоящее время прочно укоренились в языке, образуют обширный сегмент предложений с двойным предикатом.

Однако, несмотря на то, что в современной классификации данные формации обладают общепризнанным статусом одного из ведущих подвидов семантико-синтаксической предикации, они еще далеко не изучены в полной мере. Дифференциация отдельных промежуточных типов требует дополнительных углубленных исследований.

Принципиально важно подчеркнуть, что основные субкатегории предикативной детерминации, релевантные для французской грамматики нашего времени, репрезентированы равнозначными параллельными эквивалентами в текстах поэтических произведений мастеров художественного слова XVI в. – Ронсара и Дю Белле.

Итак, если подойти к приему использования прилагательных в адвербиальной функции в синтаксическом ракурсе, то можно заметить, что это явление отражает сущностные тенденции, связанные с внутренними закономерностями поступательного развития грамматической системы.

Тем более нельзя не оценить безукоризненное языковое чутье творческих деятелей Плеяды, позволившее им на века вперед предвосхитить языковые процессы, ставшие впоследствии доминантными во французском языке.

Список литературы

1. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М. : Добросвет, 2000. – 832 с.
2. Губкина, В.С. Власть истории – История власти / В.С. Губкина // Фонд поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений. – М. – 2024. – Т. 10. – Ч. 1. – № 51. – С. 68–78.
3. Гуковская, З.В. Из истории лингвистических воззрений эпохи Возрождения: (Теория языка у «Плеяды») / З.В. Гуковская. – Л. : Ленингр. гос. ун-т, 1940. – 128 с.
4. Иванов, В.Д. Общая характеристика прагматических маркеров в немецком языке. Прагматический потенциал / В.Д. Иванов // Глобальный научный потенциал. Филологические науки. – 2024. – № 7(160). – С. 194–197.
5. Лакина, Н.Ю. Глагол как структурно-семантический центр высказывания / Н.Ю. Лакина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – М. : Издательство «Граммота», 2013. – № 2(20). – С. 119–123.
6. Маршева, Л.И. Характер связи компонентов в оборотах с двойными падежами в церковнославянском языке (исторический аспект) / Л.И. Маршева, А.В. Протасова // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. – М., 2017. – С. 636–670.
7. Тронский, И.М. Античные теории языка и стиля / И.М. Тронский. – СПб : Алетейя, 1996. – 272 с.
8. Шахматов, А.А. Синтаксис русского языка / А.А. Шахматов. – М., 2011. – 624 с.
9. Юматов, И.Н. Глагольно-именная конструкция с прилагательным / И.Н. Юматов // Вопросы языкознания. – 1961. – № 3. – С. 82–93.
10. Andrievskaja, A.A. Syntaxe du français moderne / A.A. Andrievskaja. – Kiev, 1973. – 204 p.
11. Du Bellay, J. Deffence et Illustration de la langue française / J. Du Bellay. – Paris, 1904. – 345 p.

12. Ronsard, P. Oeuvres complètes / P. Ronsard. – Paris, 1860. – T. IV. – 415 p.
13. Referovskaya, E.A. Essai de grammaire française. Cours théorique / E.A. Referovskaya, A.K. Vasilyeva. – Л.: Просвещение, 1973. – 431 с.
14. Ronsard, P. Abrégé de l'art poétique françois / P. Ronsard. – 1903. – Vol. VI. – 60 p

References

1. Gak, V.G. Teoreticheskaya grammatika frantsuzskogo yazyka / V.G. Gak. – M.: Dobrosvet, 2000. – 832 s.
2. Gubkina, V.S. Vlast' istorii – Istoriya vlasti / V.S. Gubkina // Fond podderzhki mezhnatsional'noy kul'tury i obshchestvennykh mezhduнародnykh otnosheniy. – M. – 2024. – T. 10. – CH. 1. – № 51. – S. 68–78.
3. Gukovskaya, Z.V. Iz istorii lingvisticheskikh vozzreniy epokhi Vozrozhdeniya: (Teoriya yazyka u «Pleyady») / Z.V. Gukovskaya. – L.: Leningr. gos. un-t, 1940. – 128 s.
4. Ivanov, V.D. Obshchaya kharakteristika pragmaticheskikh markerov na nemetskom yazyke. Pragmaticheskiy potentsial / V.D. Ivanov // Global'nyy nauchnyy potentsial. Filologicheskkiye nauki. – 2024. – № 7(160). – S. 194–197.
5. Lakina, N.YU. Glagol kak strukturno-semanticheskiy tsentr vyskazyvaniy / N.YU. Lakina // Filologicheskkiye nauki. Voprosy teorii i praktiki. – M.: Izdatel'stvo «Gramota», 2013. – № 2(20). – S. 119–123.
6. Marshева, L.I. Kharakter svyazi komponentov v oborotakh so slozhnostyami padezhami v tserkovnoslavianskom yazyke (istoricheskiy aspekt) / L.I. Marshева, A.V. Protasova // Sretenskiy sbornik. Nauchnyye trudy prepodavateley SDS. – M., 2017. – S. 636–670.
7. Tronskiy, I.M. Antichnyye teorii yazyka i stilya / I.M. Tronskiy. – SPb.: Aleteyya, 1996. – 272 s.
8. Shakhmatov, A.A. Sintaksis russkogo yazyka / A.A. Shakhmatov. – M., 2011. – 624 s.
9. Yumatov, I.N. Glagol'no-imennaya konstruktsiya s vklyucheniym / I.N. Yumatov // Voprosy yazykoznaniya. – 1961. – № 3. – S. 82–93.
10. Andriyevskaya, A.A. Sintaksis sovremennogo frantsuzskogo yazyka / A.A. Andriyevskaya. – Kiyev, 1973. – 204 s.
13. Referovskaya, Ye.A. Ocherk frantsuzskoy grammatiki. Kurs teorii / Ye.A. Referovskaya, A.K. Vasil'yeva. – L.: Prosveshcheniye, 1973. – 431 s.

Pleiades Figures on Adverbial-Adjectival Commutations as a Means of Enriching the French Language

E.V. Dubovaya (Russia)

Key words and phrases: adverbial-adjectival commutations; sources of enrichment of the French vocabulary; constructions with a double predicate; poets-theorists of the Pleiades; process-qualifying predicate.

Abstract: The article examines a specific phenomenon of French syntax – the use of an adjective instead of an adverb as a predicative definition in historical retrospect, in the context of creative research by the Pleiades, aimed at enriching and "glorifying" the French language.

The use of an adjective as a predicative definition, recommended by French reformers among other innovations, is in fact associated not so much with the weight and significance of a word as a central and self-sufficient unit of speech or with the processes of word formation as a potential way to increase the vocabulary, but with a special kind of semantic-syntactic predication, functionally realized within the framework of one of the subspecies of verbal-nominal constructions, the so-called sentences with double predication.

The interchangeability of individual adverbial and adjectival units in a phrase, which existed at the level of probabilistic tendencies and were subtly grasped by innovative poets, acquires a progressive character as the language develops, giving rise to numerous structural-semantic analogs.

© Е.В. Дубовая, 2025

УДК 808.1

Жанровое своеобразие антиутопической трилогии Э. Сувада «*This Mortal Coil*»

О.В. Евстафиади, Е.А. Пилипчук
(Россия)

E-mail: olga.evstafiadi@gmail.com

...

Ключевые слова и фразы: антиутопия; жанр; сюжетно-композиционное своеобразие; тема.

Аннотация: Статья посвящена вопросу жанрового своеобразия антиутопических произведений. Цель исследования – выявление жанровых особенностей серии романов Э. Сувада «*This Mortal Coil*». Задачи исследования: рассмотреть черты жанра антиутопии, изучить центральные темы и сюжетно-композиционные особенности романов антиутопического жанра, подтвердить или опровергнуть гипотезу о том, что трилогия Э. Сувада «*This Mortal Coil*» написана в жанре антиутопии. Методы исследования: анализ научной литературы, филологический анализ текста. На основе проведенной работы сделаны выводы о проявлении доминантных признаков антиутопии в трилогии Э. Сувада «*This Mortal Coil*» и выявлена основная проблематика произведений.

...

Анализ жанровых особенностей художественного произведения нередко становился предметом исследования ученых [2]. В нашей работе мы обращаем свое внимание на антиутопию, которая трактуется, с одной стороны, как метод исследования будущего, который воплощает трагическое мироощущение человека и показывает проблемное мировоззренческое мышление прошлого, и, с другой стороны, как антижанр утопии. Центральными темами, которые рассматриваются авторами-антиутопистами XX в., являются полный контроль людей властью и запрет на просвещение, что ведет к полной утере человеческой души и к роботизации людей.

Сюжетно-композиционное своеобразие антиутопии определяется рядом характеристик. Согласно С.Г. Шишкиной, в антиутопии индивид вынужден противостоять сложившейся системе власти, в то время как в утопии центральное место занимает коллективный разум [3]. Кроме того, в отличие от статичности утопического произведения, время в антиутопии динамично. Помимо этого, Б.А. Ланин выделяет важный сюжетобразующий элемент антиутопии – «аттракцион», определяемый как экстремальные ситуации, в кото-

рых вынужден оказываться герой, и где лучше всего раскрывается его характер как личности [1].

Сюжет антиутопии Э. Сувада «*This Mortal Coil*» включает в себя последовательность довольно мрачных событий: в мире будущего, где научный прогресс достиг невероятных высот, бушует смертельная болезнь, лекарство от которой практически невозможно создать.

Анализ внешней композиции антиутопии позволил выделить три части «*This Mortal Coil*», «*This Cruel Design*» и «*This Vicious Cure*», связанные одной сюжетной линией, представленной цепочкой событий: «Открытие миссии», «Путешествие протагониста и противостояние правительству», «Обнаружение вакцины», «Раскрытие тайны происхождения протагониста», «Финальное противостояние правительству и победа над вирусом».

Пространство, в котором разворачиваются события произведения, представлено топонимами, имеющими денотаты, реально существующие в штате Южная Дакота (Блэк-Хилс, Хоумстэйк): «*But part of me wants to see Homestake, the bunker I've been living an hour away from for the last two years*» [6]; штате Калифорния (Саннивейл): «*Through the trees I can make out the faintest hint of structures in the distance. The glow of a window. A wisp of smoke. We've reached Sunnyvale*» [6]; штате Невада (плотина Гувера на границе штатов Невада и Аризона): «*A map of Nevada's desert mountains appears, zoomed in on the edge of a lake near the southern border of the state. <...> «Is that... is that Hoover Dam?»* [6].

Образ в произведении, который характеризует статичность и замкнутость пространства общества, – это бункер: «*...the bunkers were faradayed and guarded...*» [5], «*Almost all of the bunker is underground, built into an enormous abandoned gold mine*» [5]. Ощущение замкнутости усиливается за счет образов бетонной стены и колючей проволоки, которые встречаются в описании верхней части бункера. «*We've reached Homestake's buffer zone – a mile-wide patch of wasteland that circles the bunker to keep blowers from detonating nearby. The perimeter is lined with a deep trench and rolls of razor wire atop a towering concrete wall. Inside it, every building is bulldozed, every tree is gone, and the roads are covered in a dark layer of ash*» [5]. Бункеры – это настоящие крепости, в которые не только трудно попасть, но и практически невозможно оттуда выйти.

Мир на поверхности, в отличие от бункера, символизирует свободу выбора и самовыражения, что показано с помощью метафоры «*The choice was clear: risk your life on the surface, or swap your rights for an airlocked cell*» [5] и сравнения «*It looks like a living painting. The air is tinged with perfume, rolling from patches of purple grasses dotted across the lawn*» [4].

Пространство героя подвижно, в трилогии наблюдается кольцевая смена локаций: Южная Дакота – Калифорния – Канада – Невада – Канада – Южная Дакота. Динамика пространства связана с индивидуальной борьбой главной героини и ее развитием.

Время в трилогии многомерно, с одной стороны, описываются события исторического будущего – возможные последствия развития общества, с другой, показано развитие человеческой жизни, то есть время биографическое. Помимо этого, наличествуют ретроспективные эпизоды, связанные с прошлым главной героини, а также эпизоды, связанные с событиями, предшествующими настоящим, раскрывающие основные причины распространения пандемии: «*This time of day two years ago, the highway to the east would have been lit up with a steady stream of headlights from the evening commute*» [5].

В антиутопии наблюдается смена точек зрения – внешней и внутренней. Внешняя точка зрения представлена мнением правительства, которое выступает против кардинальных нововведений в своем теле и считает, что человек должен вносить минимальные из-

менения. Взгляды правящих переданы автором косвенно – через речь персонажей, которые непосредственно связаны с организацией «Картакс»: «*Ugh, gross, Anna mutters. This place is a freak show. She wrinkles her nose, watching a woman walk past us, a backpack on her shoulders with a breathing tube coiled out of it and plugged directly into her throat. I don't understand why people actually want to screw up their bodies*» [4].

Внешней точке зрения противоречит мнение главной героини, которая наравне с ген-хакерами считает, что при достигнутом прогрессе можно и нужно пробовать различные модификации. Внутренняя точка зрения передана автором посредством диалогической речи, а также с помощью описания городов выживших на поверхности людей.

Примечательно, что третья книга делится на главы «*Catarina*» и «*Jun Bei*». В главах «*Jun Bei*» повествование идет от лица одной из сестер – Цзюнь Бэй, где рассказывается о ее пути из Энтропии в лабораторию в плотине Гувера и далее в лабораторию в Канаде, а также о трудностях, с которыми она сталкивается. В главах «*Catarina*» главным действующим лицом становится Катарина – сестра Цзюнь Бэй, которая также пытается найти способ спасти мир, но уже будучи лишь проекцией без собственного тела. Основанием композиции служит принцип аналогии: обе сестры пытаются найти способ спасти вакцину, которая вскоре перестанет действовать, но если Катарина стремится исправить исходный код лекарства, отделив от него все лишнее, то Цзюнь Бэй хочет найти способ дописать дополнительную часть, которая, помимо победы над смертельной болезнью, подарит человечеству еще и бессмертие.

В трилогии «*This Mortal Coil*» Э. Сувада поднимает ряд актуальных вопросов. Тема технического прогресса и его влияния на общество раскрывается через использование технических терминов, описывающих генетические изменения и управление телом с помощью наручных панелей. Термины служат для характеристики новых технологий, появившихся в этом антиутопическом мире (*nanomesh, cuff, leyline, clonebox, panel, VR, LED, cobalt light, genkit*), для номинации элементов панели, внедренной в руку почти каждого человека на планете (*code, cables, nanites*), и для наименования новых профессий, связанных с кодированием (*genehacker, coders*). Помимо этого, встречается многократное повторение слова «*tech*», что является сокращением от «*technology*».

Автор также исследует тему борьбы против тоталитарного контроля, противопоставляя тех, кто подчиняется жестокому правительству, тем, кто готов рисковать жизнью ради свободы. Тема тоталитаризма выражена через лексические единицы, которые относятся к семантическому полю «контроль»: *control, violence, take over, withholding, rules, hold back, blackmail*.

Важной является тема распространяющейся болезни и поиска лекарства. Во всех частях трилогии встречаются лексические единицы, которые относятся к семантическому полю «болезнь» (*incubate, infection, virus, infect, strain, outbreak, plague, immunity*), и отмечается многократное повторение синонимов «*cure*» и «*vaccine*». Кроме того, для описания процессов, происходящих с человеком после заражения, Э. Сувада обращается к лексике, описывающей симптомы протекающей болезни (*sick, fever, wounded, allergy, black and blue bruises, whiff of sulfur*), что позволяет читателю в подробностях представить, насколько страшен этот вирус.

И, наконец, в антиутопии Э. Сувада поднимает тему семьи, которая реализуется через лексические единицы с общим семантическим признаком проявления любви: *hug, embrace, care*. Примечательно, что главная героиня обретает семью в лице людей, с которыми она не связана кровным родством. Автор подчеркивает, что семья – это не только те, с кем мы связаны генетически, но и иногда те, кто, несмотря ни на что, искренне за-

ботится о нас. Так, родным человеком для главной героини Катарины становится Агнес – женщина, которая всеми силами заботилась и поддерживала ее, пока она старалась выжить, оставаясь на поверхности: «*Agnes isn't really my yaya, though she certainly acts like it. We don't share DNA, but we've shared food and tears, and ever since the outbreak, that's all that really counts*» [5].

Таким образом, проведенный анализ позволил проследить реализацию доминантных признаков антиутопии Э. Сувада, а именно: замкнутость антиутопического мира, стандартизацию человеческих действий, регламентированную государством, противостояние человека и государства, атмосферу панического страха в условиях эпидемии. Также получилось определить основную проблематику трилогии, которая заключается в поиске утраченной свободы выбора и обретении внутренней гармонии.

Список литературы

1. Ланин, Б.А. Анатомия литературной антиутопии / Б.А. Ланин, 1993. – С. 154–163.
2. Ласица, Л.А. Жанровые особенности производственного романа Артура Хейли «Окончательный диагноз» / Л.А. Ласица, М.А. Гусева // Reports Scientific Society. – 2024. – № 6(50). – С. 91–94.
3. Шишкина, С.Г. Литературная утопия: к вопросу о границах жанра / С.Г. Шишкина // Вестник Ивановского ГХТУ. – Иваново. – 2007 – № 2 – С. 199–209.
4. Suvada, E. This Cruel Design / E. Suvada. – New York : Simon & Schuster, 2018. – 223 p.
5. Suvada, E. This Mortal Coil / E. Suvada. – New York : Simon & Schuster ebook, 2017. – 248 p.
6. Suvada, E. This Vicious Cure/ E. Suvada. – New York : Simon & Schuster ebook, 2020. – 221 p.

References

1. Lanin, B.A. Anatomiya literaturnoy antiutopii / B.A. Lanin, 1993. – S. 154–163.
2. Lasitsa, L.A. Zhanrovyye osobennosti proizvodstvennogo romana Artura Kheyli «Okonchatel'nyy diagnoz» / L.A. Lasitsa, M.A. Guseva // Reports Scientific Society. – 2024. – № 6(50). – S. 91–94.
3. Shishkina, S.G. Literaturnaya utopiya: k voprosu o granitsakh zhanra / S.G. Shishkina // Vestnik Ivanovskogo GKHTU. – Ivanovo. – 2007 – № 2 – S. 199–209.

Genre Originality of E. Suvad's Dystopian Trilogy "This Mortal Coil"

O.V. Evstafiadi, E.A. Pilipchuk
(Russia)

Key words and phrases: dystopia; plot-compositional originality; theme; genre.

Abstract: The article is devoted to the issue of genre originality of dystopian works. The purpose of the study is to identify the genre features of the series of novels by E. Suvada "This Mortal Coil". The research objectives are to consider the features of the dystopian genre, to

study the central themes and plot-compositional features of the novels of the dystopian genre, to confirm or refute the hypothesis that E. Suvada's trilogy "This Mortal Coil" was written in the genre of dystopia. The research methods are analysis of scientific literature, philological analysis of the text. Based on the analysis, conclusions have been drawn about the manifestation of the dominant features of the E. Suvada's dystopia "This Mortal Coil" and the main problem of the work has been identified.

© О.В. Евстафиади, Е.А. Пилипчук, 2025

УДК 811. 11

Выражение сомнения в англоязычных произведениях (на примере романов Джулии Кеннер)

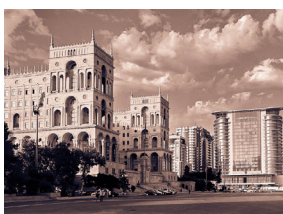
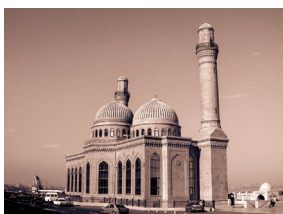
С.О. Магомедова, Я.Т. Насруллаева
(Россия)

E-mail: azievasaida1982@mail.ru

...

Ключевые слова и фразы: антиутопия; жанр; сюжетно-композиционное своеобразие; тема.

Аннотация: В статье рассматриваются лексические и синтаксические средства выражения категории сомнения в англоязычных художественных произведениях современной американской писательницы Дж. Кеннер. Целью исследования являются выявление и систематизация языковых способов объективации сомнения как одного из видов субъективной модальности, отражающего отношение говорящего с позиции неуверенности. Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе лексико-синтаксических средств выражения сомнения в художественном дискурсе Дж. Кеннер с акцентом на их функционировании в создании определенного стилистического эффекта. Гипотеза исследования состоит в том, что Дж. Кеннер использует широкий спектр языковых средств – от глаголов сомнения и модальных глаголов до риторических вопросов и фигур умолчания – для передачи тонких нюансов колебания и скептицизма, характеризующих внутренний мир персонажей и влияющих на развитие сюжета. В исследовании использованы описательный метод, метод количественного анализа, метод сплошной выборки и интерпретационный метод. Результаты исследования демонстрируют, что Дж. Кеннер использует как лексические, так и синтаксические средства, отдавая предпочтение лексическим средствам для передачи чувств и переживаний, а синтаксическим средствам для усиления эффекта.

...

Вместо того чтобы рассматривать сомнение линейно, как простое выражение отсутствия знаний, продуктивнее рассматривать его как сложное семантическое поле, включающее в себя множество значений, таких как неуверенность, колебание, подозрение, скептицизм и недоверие. Как бы то ни было, эти значения находят воплощение в языке с

помощью множества средств, которые варьируются от лексических обозначений, синтаксических структур до прагматических подходов [7].

Глаголы сомнения (*doubt, question, wonder, suspect, distrust* и др.) играют ключевую роль в выражении эксплицитного сомнения [6]. Рассмотрим следующий пример: «*I doubted his intentions, but my body didn't*» («Я сомневалась в его намерениях, но мое тело – нет») [3]. В этом примере глагол «*doubted*» выражает сомнение героини в искренности намерений главного героя. Однако противопоставление «Я сомневалась, но мое тело – нет» создает внутренний конфликт и подчеркивает противоречивость ее чувств. Это очень распространенный прием в романах Кеннер, когда сомнение переплетается со страстью и желанием, создавая напряженную атмосферу.

Таким образом, Джулия Кеннер использует в своих произведениях глаголы с семантикой сомнения, чтобы выразить интеллектуальное сомнение, а также чтобы передать неуверенность и подозрительность главных героев.

Дж. Кеннер нередко использует прилагательные и наречия для того, чтобы выразить сомнение. Например, *possibly, probably, perhaps, uncertain, unsure, dubious* – эти слова позволяют смягчить высказывание, помогая говорящему снять с себя ответственность за достоверность сказанного. Например: «*It was probably just her imagination, but she couldn't shake the feeling that she was being watched*» («Вероятно, это было просто ее воображение, но она не могла избавиться от ощущения, что за ней следят») [1]. Наречие «*probably*» («вероятно») выражает сомнение героини в реальности происходящего. Она пытается убедить себя, что это всего лишь ее воображение, но не может избавиться от тревожного чувства.

«*He was uncertain about the future, but he was determined to make the most of the present*» («Он был не уверен в будущем, но был полон решимости использовать настоящее по максимуму») [1]. Прилагательное «*uncertain*» («не уверен») выражает общую неуверенность главного героя в будущем.

Джулия Кеннер использует в своих художественных произведениях прилагательные и наречия с семантикой сомнения для того, чтобы указать на неопределенность, а также чтобы описать внутренний мир главных героев, которые испытывают такие эмоции, как замешательство и колебание.

Существительные играют немаловажную роль, стоит отметить, что Джулия Кеннер довольно часто использует их, чтобы передать сомнения и колебания героев своих произведений, например, такие существительные, как «*suspicion*», «*hesitation*», «*doubt*», «*uncertainty*».

«*Doubt tormented her, whispering and provoking her to treacherous deeds*» («Сомнения терзали ее, шепча и провоцируя ее на предательские поступки») [3]. В анализируемом предложении Кеннер использует существительное «*doubt*» не просто так, чтобы указать на то, каким сильным и мучительным может быть сомнение, настолько, что приобретает черты живого существа, что мучает главную героиню.

Джулия Кеннер также использует косвенный способ выражения сомнения. Но возникает вопрос – каким образом? Стилистические средства позволяют описать любое чувство красочно, но при этом не прибегая к прямой характеристике, например, ирония, метафора и сравнение не являются прямыми лексическими средствами выражения сомнения. Рассмотрим несколько примеров: «*Her heart was a battlefield, and his words were the enemy troops, advancing with deadly precision*» («Ее сердце было полем битвы, а его слова – вражескими войсками, наступающими со смертоносной точностью») [3]. В этом примере сердце героини сравнивается с полем битвы, а слова главного героя – с вражескими войсками.

Эта метафора выражает сомнение героини в искренности главного героя и передает ее внутреннюю борьбу. Она чувствует себя атакованной его словами, как будто они наносят ей раны.

«*His words were a carefully constructed web, designed to trap her in his deceit*» («Его слова были тщательно сплетенной сетью, предназначенной для того, чтобы поймать ее в его обман») [3]. Сравнение слов главного героя с сетью выражает сомнение героини в его искренности. Она чувствует, что он пытается манипулировать ею и запутать ее ложью.

«*Oh, I'm sure you have nothing to hide, she said, her voice dripping with sarcasm*» («О, я уверена, что тебе нечего скрывать», – сказала она, и в ее голосе звучал сарказм») [2]. Здесь ирония используется для выражения сомнения героини в правдивости главного героя. Она говорит, что уверена в его честности, но ее саркастический тон выдает ее недоверие. Ирония позволяет автору создать скрытый подтекст и передать сложные эмоции героини.

Таким образом, Дж. Кеннер использует лексические средства для того, чтобы передать внутренние ощущения героев, основанные на сомнении и колебании. Она использует не только разные части речи с семантикой сомнения, но и всевозможные стилистические средства, чтобы указать на эмоциональную неопределенность персонажей своих художественных произведений, что делает ее язык и стиль красочным и запоминающимся.

Каким же образом порядок слов, организация предложений могут способствовать выражению сомнения? Для этого необходимо проанализировать синтаксические средства выражения категории сомнения.

Самым распространенным и наиболее эффективным способом выражения сомнения является вопросительное предложение. Если говорящий хочет поставить какое-либо утверждение под сомнение, чей-то поступок или факт, для этого он задает вопросы [4]. Например: «*What if he was lying? What if everything had been told by him was a piece of lie?*» («Что, если он лгал? Что, если все, что он сказал, было ложью?») [2]. Главная героиня с помощью вопросов самой себе выражает глубокое сомнение в честности главного героя, опасаясь, что все ее положительные представления о нем окажутся очередной ложью. Это вид сомнения, который перерастает в страх.

Инверсия (изменение обычного порядка слов в предложении) может использоваться для создания эффекта неожиданности, напряжения или сомнения. Например: «*Never had she felt so confused*» («Никогда она не чувствовала себя такой растерянной») [2]. Инверсия подчеркивает исключительность состояния героини. Она настолько растеряна и запуталась в своих чувствах, что никогда раньше не испытывала ничего подобного.

Эллипсис (пропуск одного или нескольких членов предложения, которые легко восстанавливаются из контекста) может использоваться для создания эффекта недосказанности, паузы или сомнения [5]. Например: «*She seemed innocent enough. Or was she...?*» («Она казалась достаточно невинной. Или она...?») [2]. Пропуск продолжения предложения после «*Or was she...?*» («Или она...?») создает эффект внезапной смены мысли и выражает сомнение главного героя в невинности героини. Он начинает сомневаться в своем первоначальном впечатлении.

Несмотря на разнообразие и эффективность синтаксических приемов, в романах Дж. Кеннер лексические средства выражения сомнения преобладают над синтаксическими, что, вероятно, обусловлено авторским стилем, ориентированным на создание эмоциональной атмосферы и раскрытие внутреннего мира персонажей. Лексика

предоставляет возможности для передачи нюансов чувств и переживаний, в то время как синтаксис используется для усиления эффекта и создания дополнительного напряжения.

Список литературы

1. Kenner, J. Claim me // readonline88.com : большая онлайн библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://readonline88.com/book-reader/claim-me>.
2. Kenner, J. Dirtiest Secret // readonline88.com : большая онлайн библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://readonline88.com/book-reader/dirtiest-secret>.
3. Kenner, J. Release me // readonline88.com : большая онлайн библиотека [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://readonline88.com/book-reader/release-me>.
4. Mercer, N. The seeds of time: Why classroom dialogue needs a temporal dimension / N. Mercer // Journal of Learning Sciences. – 2010. – No. 19(1). – P. 25–59.
5. Stainton, R.J. Context vs. communication: Unarticulated constituents vs. pragmatic enrichment / R.J. Stainton // Philosophy and Language. – 2010. – No. 39(1). – P. 1–27.
6. Беляевская, Е.Г. Когнитивная база дискурса и дискурсивные стратегии / Е.Г. Беляевская // Когнитивные исследования языка. – 2012. – № 10. – С. 154–158.
7. Карасик, В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М. : Гнозис, 2012. – 320 с.

References

1. Kenner, J. Claim me // readonline88.com : bol'shaya onlayn biblioteka [Electronic resource]. – Access mode : <https://readonline88.com/book-reader/claim-me>.
2. Kenner, J. Dirtiest Secret // readonline88.com : bol'shaya onlayn biblioteka [Electronic resource]. – Access mode : <https://readonline88.com/book-reader/dirtiest-secret>.
3. Kenner, J. Release me // readonline88.com : bol'shaya onlayn biblioteka [Electronic resource]. – Access mode : <https://readonline88.com/book-reader/release-me>.
4. Belyayevskaya, Ye.G. Kognitivnaya baza diskursa i diskursivnyye strategii / Ye.G. Belyayevskaya // Kognitivnyye issledovaniya yazyka. – 2012. – № 10. – S. 154–158.
5. Karasik, V.I. Yazykovaya matritsa kul'tury / V.I. Karasik. – M. : Gnozis, 2012. – 320 s.

Expressing Doubt in English-Language Works (Using the Example of Julia Kenner's Novels)

S.O. Magomedova, A.T. Nasrullayeva
(Russia)

Key words and phrases: doubt; subjective modality; lexical means; syntactic means; stylistic effect.

Abstract: The article examines the lexical and syntactic means of expressing the category of doubt in the English-language works of fiction by the modern American writer J. Kenner. The aim of the study is to identify and systematize linguistic ways of objectifying doubt as one of the

types of subjective modality reflecting the speaker's attitude from a position of uncertainty. The scientific novelty of the research lies in a comprehensive analysis of the lexical and syntactic means of expressing doubt in the artistic discourse of J. Kenner focuses on their function in creating a certain stylistic effect. The hypothesis of the study is that J. Kenner uses a wide range of linguistic means – from verbs of doubt and modal verbs to rhetorical questions and figures of silence – to convey the subtle nuances of hesitation and skepticism that characterize the inner world of the characters and influence the development of the plot. The study uses a descriptive method, a quantitative analysis method, a continuous sampling method, and an interpretative method. The results of the study demonstrate that J. Kenner uses both lexical and syntactic means, preferring lexical means to convey feelings and experiences, and syntactic means to enhance the effect.

© С.О. Магомедова, Я.Т. Насруллаева, 2025

УДК 811. 11

Лингвистические особенности креолизованного текста в англоязычных комиксах

С.О. Магомедова, Я.Т. Насруллаева
(Россия)

E-mail: azievasaida1982@mail.ru

...

Ключевые слова и фразы: комиксы; креолизованный текст; лексические стилистические приемы; синтаксические стилистические приемы.

Аннотация: В статье исследуются лингвистические особенности креолизованных текстов в англоязычных комиксах. Целью исследования являются выявление и анализ лингвистических особенностей креолизованных текстов в англоязычных комиксах, а также определение их роли в создании экспрессивности и эмоционального воздействия на читателя. Научная новизна работы заключается в комплексном подходе к изучению поликодовых текстов, объединяющем лингвистический и прагматический аспекты. Гипотеза исследования заключается в том, что креолизованные тексты обладают устойчивыми лингвистическими особенностями, которые систематически проявляются во взаимодействии вербального и визуального компонентов, усиливая коммуникативный эффект. В исследовании использованы описательный метод, метод контекстуального анализа и метод репрезентации смысла креолизованного текста. Исследование показало, что в креолизованных текстах комиксов активно используются лексические и синтаксические стилистические приемы, которые взаимодействуют с визуальными элементами, усиливая восприятие и передавая сложные эмоции.

...

Современная коммуникация все чаще опирается на визуальные компоненты, что делает креолизованные тексты, сочетающие вербальные и невербальные элементы, объектом активного изучения. Особое место среди таких текстов занимают комиксы, которые представляют собой уникальный синтез изображения и слова, формирующий многослойное восприятие информации.

Креолизованный текст определяется как сложное образование, где вербальные и невербальные элементы образуют единое смысловое и функциональное це-

Рис. 1. Пример иронии

лое [1].

Впервые креолизованные тексты стали изучаться в рамках семиотики, которая исходила из того, что язык символов принципиально не отличается от языка вербального. В.А. Колеватов писал, что любое созданное непосредственно человеком изображение является абстрактным, так как оно выражает подчеркнутые человеком отвлеченные свойства объекта: в данном случае изображение не отличается от слова, так как они могут выражать понятия разных уровней абстрактности [2].

Креолизованный текст – феномен, который важен не только для языкознания, но и для анализа динамики культурной и общественной эволюции. Он служит отражением современных способов коммуникации, интегрируя вербальные, визуальные и звуковые элементы в рекламе, комиксах, плакатах, кинофильмах и т.д. [3].

Комиксы представляют собой классический пример креолизованных текстов, где вербальные и невербальные элементы тесно взаимодействуют для создания единого нарратива. Скотт Макклауд определяет комикс как «последовательность изображений и иных знаков, выстроенных в определенном порядке для передачи информации и эстетической реакции». В комиксах используются следующие важные элементы [4]:

- диалоговые «облачка» (филактеры) и нарративные блоки, которые содержат реплики персонажей и другую текстовую информацию для создания ясного понимания повествования;
- панели – отдельные кадры, формирующие последовательность повествования.

А.Г. Сонин определяет комикс как особый способ повествования, состоящий из последовательных изображений. Каждый из этих кадров включает в себя визуальный компонент и вербальный элемент, заключенные в рамку. Изображение и текст совместно формируют единое, целостное значение [5].

Лингвистические и синтаксические средства выразительности играют важную роль в создании экспрессивности и комичности для эмоционального воздействия на читателя, так как они помогают передавать эмоции, характер персонажей, динамику сюжета и создают уникальную атмосферу, тем самым управляя восприятием читателя. В комиксах широко используется ирония, которая служит для создания комичного эффекта. Пример – рис. 1.

В высказываниях грифов активно используется ирония: «*Sweet lovable, juicy Sidney*», «*The poor lonely boy!*», «*Let's invite him for dinner, Merton!*», «*We'll make him the guest of honor!*» [6]. В реплике «*Sweet lovable, juicy Sidney*» «*juicy*» («сочный») намекает на кулинарный подтекст (на третьем кадре мы видим, как грифы облизываются), что добавляет черного юмора (рис. 1). Грифы используют ласковые, «добрые» слова («*sweet lovable*», «*poor lonely boy*»), будто искренне сочувствуют слону, но на деле они хищники, планирую-

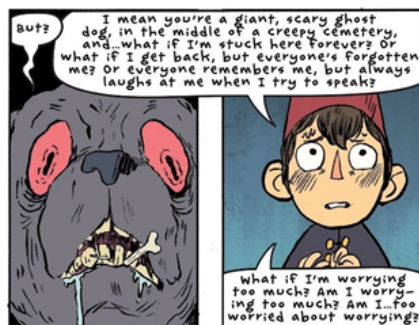

Рис. 2. Пример эпитета

Рис. 3. Пример литоты

щие сделать его «гостем» (*«guest of honor»*) на ужин в буквальном смысле.

В филактере выше можно выделить эпитеты, которые усиливают эмоциональность и выразительность речи: *«giant scary ghost dog»* [7] – с помощью эпитетов *«giant»*, *«scary»*, *«ghost»* создается яркий, пугающий образ; *«creepy cemetery»* усиливает мрачную атмосферу, тесно взаимодействуя с визуальной составляющей креолизованного текста: использование данных эпитетов выражает чувства персонажа, а также усиливает устрашающий образ собаки на первом кадре (рис. 2).

Нередко можно встретить в комиксах использование литоты (намеренного преуменьшения) для создания юмора, иронии, смягчения драматизма или подчеркивания контраста между сказанным и реальной ситуацией.

В данном примере литота *«I'm afraid your teeth aren't looking so good, Mr. Dog»* [7] используется для создания иронии и смягчения устрашающего образа. У собаки явно страшные неухоженные зубы, но персонаж вместо прямого описания выбирает мягкую, даже вежливую форму (рис. 3). Это усиливает комический и абсурдный эффект: персонаж ведет себя так, будто обсуждает не угрозу, а досадную мелочь.

Синтаксические стилистические средства в комиксах играют ключевую роль в создании динамики, передаче эмоций, характеристике персонажей. К ним относятся такие средства, как парцелляция, повторы, риторические вопросы, асиндетон, полисиндетон и другие.

В первом филактере мы можем наблюдать пример использования парцелляции (стилистический прием, при котором предложение интонационно или пунктуационно разбивает-

Рис. 4. Пример парцелляции

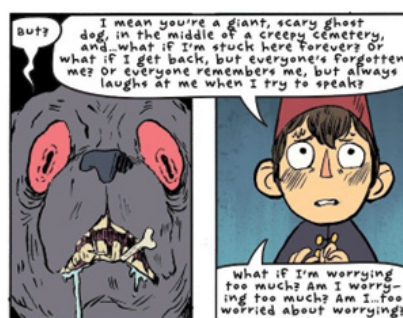

Рис. 5. Пример эпифоры

ся на части для усиления выразительности): «*No no! No threat! Just... I don't want to... have to hurt you. I mean! I just want to... ugh...*» [8]. Данный прием употребляется для выражения взволнованности персонажа: он выдает отдельные несвязанные между собой короткие фразы, нервно запинаясь и пытаясь объяснить, но безуспешно. С помощью данного приема и визуальной составляющей (изображение персонажа нервным и излишне эмоциональным) достигается комичный эффект (рис. 4).

Здесь эпифора используется с целью усиления эмоционального эффекта: «*What if I'm worrying too much?*», «*Am I worrying too much?*» [7], что указывает на одержимость персонажа тревогой и самокопанием, а прорисовка эмоций на втором кадре только подтверждает это (рис. 5).

Исследование подтвердило, что креолизованные тексты комиксов эффективно используют различные стилистические приемы для создания экспрессивности и эмоционального воздействия. Лексические и стилистические средства не только компенсируют ограниченность текстового пространства, но и усиливают взаимодействие с визуальными элементами.

Список литературы

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов) : учебное пособие для студентов факультета иностранных языков / Е.Е. Анисимова. – М. : Академия, 2003. – 128 с.
2. Колеватов, В.А. Социальная память и познание / В.А. Колеватов. – М., 1989. –

190 с.

3. Имаева, Г.З. Креолизованные тексты: понятие и составляющие / Г.З. Имаева // Современные исследования: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 95–97.

4. Макклауд, С. Понимание комикса / С. Макклауд ; перевод с английского А. Бродоцкой. – М. : РИП-холдинг, 2014. – 216 с.

5. Сонин, А.Г. Комикс: психолингвистический анализ : монография / А.Г. Сонин. – Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1999. – 110 с.

6. Silly Sidney [Comic story] / Terrytoons, artist Tom Morrison : Four Color Comics #1052. – New York : Dell Publishing Co., 1959. – P. 4–6.

7. McHale, P. Over the Garden Wall Ongoing #6 [Comic book] / P. McHale, J. Campbell. – Los Angeles : BOOM! Studios, 2016. – 22 p.

8. McHale, P. Over the Garden Wall #1 [Comic book] / P. McHale, J. Campbell. – Los Angeles : BOOM! Studios, 2015. – 24 p.

References

1. Anisimova, Ye.Ye. Lingvistika teksta i mezhekul'turnaya kommunikatsiya (na materiale kreolizovannykh tekstov) : uchebnoye posobiye dlya studentov fakul'teta inostrannykh yazykov / Ye.Ye. Anisimova. – M. : Akademiya, 2003. – 128 s.

2. Kolevatov, V.A. Sotsial'naya pamyat' i poznaniye / V.A. Kolevatov. – M., 1989. – 190 s.

3. Имаева, Г.З. Креолизованные тексты: понятие и составляющие / Г.З. Имаева // Современные исследования: актуальные вопросы теории и практики : сборник статей III Международной научно-практической конференции. – Пенза, 2024. – С. 95–97.

4. Макклауд, С. Понимание комикса / С. Макклауд ; перевод с английского А. Бродоцкой. – М. : РИП-холдинг, 2014. – 216 с.

5. Сонин, А.Г. Комикс: психолингвистический анализ : монография / А.Г. Сонин. – Барнаул : Издательство Алтайского государственного университета, 1999. – 110 с.

Linguistic Features of Creolized Text in English-Language Comics

S.O. Magomedova, A.I. Nuralieva
(Russia)

Key words and phrases: creolized text; comics; lexical stylistic devices; syntactical stylistic devices.

Abstract: This article investigates the linguistic features of creolized texts in English-language comics. The aim of the study is to identify and analyze the linguistic features of creolized texts in English-language comics, as well as to determine their role in creating expressiveness and emotional impact on the reader. The scientific novelty of the work lies in a comprehensive approach to the study of polycode texts, combining linguistic and pragmatic aspects. The research hypothesis is that creolized texts have stable linguistic features that systematically manifest themselves in the interaction of verbal and visual components,

enhancing the communicative effect. The study uses the descriptive method, the method of contextual analysis, and the method of representing the meaning of a creolized text. The study showed that lexical and syntactic stylistic devices are actively used in the creolized texts of comics, which interact with visual elements, enhancing perception and conveying complex emotions.

© С.О. Магомедова, Я.Т. Насруллаева, 2025

УДК 80

Метафора как инструмент эмоционального воздействия в романе Джона Гвинна «Тень Богов»

Я.С. Морозова, О.А. Рожненко, А.С. Попова, Э.Ю. Болько
(Россия)

E-mail: yanina.frost@mail.ru

...

Ключевые слова и фразы: внутренний конфликт; Джон Гвинн; метафора; судьба; философская проблематика; фэнтези; художественный образ; эмоциональное восприятие.

Аннотация: Статья посвящена исследованию роли метафоры в формировании эмоционального восприятия читателя на материале романа Джона Гвинна «Тень Богов». Метафора рассматривается как ключевое средство художественной выразительности, способствующее раскрытию внутреннего мира персонажей, передаче философских идей и созданию атмосферы произведения. В ходе анализа выявлены основные типы метафор, их функции и влияние на читательское восприятие. Результаты анкетирования подтверждают значимость метафорических образов в усилении эмоционального отклика.

Цель данного исследования – проанализировать влияние метафорических конструкций на эмоциональное восприятие читателя, раскрытие ключевых тем произведения. В представленном исследовании применяется комплекс методов, направленных на всесторонний анализ метафор в художественном тексте, в частности, литературный анализ с элементами семантического разбора, сравнительно-сопоставительный метод, анкетирование, количественный анализ данных анкетирования. Результаты исследования показали, что метафоры в романе Джона Гвинна «Тень Богов» не только выполняют стилистическую функцию, но и становятся структурными элементами сюжета, формируя образный ряд и тем самым усиливая эмоциональный отклик читателя.

...

Введение

Метафора, являясь одним из фундаментальных элементов художественного языка, выполняет не только декоративную, но и смыслообразующую функцию. В жанре фэнтези, где мир строится на сочетании мифологического и символического, метафора становится инструментом соединения реального и ирреального, усиливая глубину восприятия текста.

Актуальность работы обусловлена недостаточной изученностью метафорического языка современного фэнтези, в частности, творчества Джона Гвинна. Теоретической основой послужили труды Дж. Лакоффа, М. Джонсона, рассматривающих метафору как когнитивный механизм, формирующий мировоззрение [1].

Методы исследования

В представленном исследовании применяется комплекс методов, направленных на всесторонний анализ метафор в художественном тексте, включая их структурные особенности, функциональную роль и восприятие читательской аудиторией.

1. Литературный анализ с элементами семантического разбора

Данный метод использован для выявления и интерпретации ключевых метафор в тексте. В рамках литературного анализа рассматриваются стилистические и композиционные особенности их употребления, а также их связь с общей поэтикой произведения. Семантический разбор позволяет углубиться в значение метафор, выявить скрытые коннотации и установить их роль в формировании авторского замысла. Этот этап исследования служит основой для дальнейшего сопоставительного и эмпирического анализа.

2. Сравнительно-сопоставительный метод

Применяется для определения функциональной нагрузки метафор в развитии сюжета и раскрытии характеров персонажей. Путем сопоставления различных эпизодов и образов устанавливается, как метафорические конструкции способствуют динамике повествования, усиливают конфликты или, напротив, смягчают их. Кроме того, метод позволяет выявить устойчивые метафорические модели, характерные для исследуемого текста или творчества автора в целом.

3. Анкетирование ($n = 50$)

С целью изучения читательского восприятия метафор проведено анкетирование, в котором приняли участие 50 респондентов. Опрос включал вопросы, направленные на оценку эмоционального воздействия ключевых метафор, их запоминаемости и субъективной интерпретации. Данный метод позволяет перейти от текстуального анализа к исследованию рецепции, выявив, как метафоры влияют на эмоциональный отклик аудитории.

4. Количественный анализ данных анкетирования

Полученные в ходе опроса данные подвергнуты статистической обработке с использованием методов описательной статистики. Анализ включает подсчет частотности опре-

Таблица 1. Ключевые метафоры романа Джона Гвинна «Тень Богов»

№	Метафора	Перевод	Характеристика
1	« <i>Fate is a blade</i> »	Судьба – клинок	Данная метафора повторяется в ключевых моментах повествования, подчеркивая неумолимость и разрушительную силу судьбы. В контексте романа она символизирует не только предопределенность, но и болезненное воздействие рока на персонажей. Например, судьба «пронзает» героев (Орка, Варга, Элвара), лишая их иллюзий и вынуждая принимать тяжелые решения. Эта метафора также отражает центральную философскую проблему произведения – противостояние свободы воли и фатализма [2]
2	« <i>The world is ash</i> »	Мир – пепел	Метафора создает образ опустошенного мира Вигрида, где война уничтожила не только города, но и саму надежду. Пепел здесь символизирует не только физическое разрушение, но и духовную пустоту, в которой существуют персонажи. Этот образ усиливает ощущение безысходности, подчеркивая, что мир после катастрофы уже не может вернуться к прежнему состоянию [2]
3	« <i>A soul covered in ice</i> »	Душа, покрытая льдом	Данная метафора используется для описания внутреннего состояния Орка, который, пережив предательство и потери, эмоционально отстраняется от окружающих. Лед здесь становится символом душевного одиночества и недоверия, а также трудности возвращения к эмоциональной жизни [2]
4	« <i>Friendship is a shield</i> »	Дружба – щит	В противовес предыдущим мрачным образам данная метафора подчеркивает спасительную силу человеческих связей. Ворг и Элвар, несмотря на все испытания, находят в дружбе опору и защиту. Этот образ работает как контраст общему пессимистическому фону, показывая, что даже в мире, охваченном хаосом, есть место взаимовыручке [2]
5	« <i>God's shadow</i> »	Тень Бога	Одна из центральных метафор романа, вынесенная в заглавие, символизирует незримое, но осязаемое присутствие высших сил. Она передает ощущение рока, божественного вмешательства и неизбежности, что создает атмосферу мистического напряжения [2]
6	« <i>Flame consuming the world</i> »	Пламя, поглощающее мир	Этот образ усиливает апокалиптическую тональность повествования, подчеркивая масштаб надвигающейся катастрофы. Метафора работает не только на визуальном уровне, но и на эмоциональном, вызывая у читателя чувство тревоги и безысходности [2]

деленных реакций, выявление корреляций между различными типами метафор и эмоциональными оценками респондентов, а также визуализацию результатов (графики, таблицы). Это позволяет систематизировать субъективные читательские впечатления и сделать выводы о наиболее эффективных с точки зрения воздействия метафорических конструкциях.

Комплексное применение указанных методов обеспечивает многоаспектное рассмотрение метафор: от их структурно-семантического анализа до изучения прагматического эффекта. Литературный и сопоставительный методы раскрывают художественные функции метафор в тексте, в то время как анкетирование и количественный анализ демонстрируют их роль в процессе читательского восприятия. Такой подход позволяет не только описать метафоры как лингвостилистическое явление, но и оценить их значимость в ком-

Рис. 1. Процентное соотношение мнения читателей по вопросу № 1

Рис. 2. Процентное соотношение мнения читателей по вопросу № 2

муникации между автором и аудиторией.

Результаты исследования

В романе Джона Гвинна «Тень Богов» метафоры не только выполняют стилистическую функцию, но и становятся структурными элементами сюжета, формируя образный ряд и эмоциональную атмосферу. В данной статье рассматриваются ключевые метафоры романа, их роль в развитии повествования, а также их влияние на читательское восприятие.

Для оценки эмоционального воздействия метафор было проведено анкетирование среди 50 респондентов, прочитавших роман. Результаты показали, что наиболее сильное впечатление на читателей произвели метафоры, связанные с судьбой и разрушением («*Fate is a blade*», «*The world is ash*»); образы, передающие эмоциональное состояние персонажей («*A soul covered in ice*»), вызвали наибольшее сопереживание; метафоры, подчеркивающие надежду и человеческие связи («*Friendship is a shield*»), были отмечены как ключевые для эмоционального баланса произведения [5; 6].

Рис. 3. Процентное соотношение мнения читателей по вопросу № 3

Результаты, представленные на рис. 1–3, наглядно демонстрируют распределение читательских реакций, подтверждая значимость метафорического языка в создании эмоционального фона романа.

1. Эмоциональный фон читателя: большинство опрошенных считает, что метафоры значительно усиливают эмоциональное восприятие текста. Некоторые отмечают, что они дополняют эмоции, в то время как меньшая часть респондентов указывает на их незначительное влияние.

2. Восприятие текста читателем: большая часть читателей отмечает сильное воздействие метафор, тогда как меньшая часть воспринимает их влияние умеренно. Это подтверждает важность метафор как мощного инструмента художественной выразительности.

3. Восприятие пейзажа в тексте: метафоры делают описание более живым, что также влияет на эмоциональную вовлеченность читателя. Однако здесь мнения разделяются: часть респондентов отмечает умеренное влияние, а другие – его отсутствие.

В результате анкетирования выявлено, что метафоры играют важную роль в усилении эмоционального отклика читателя, делая текст более выразительным.

Таким образом, метафоры, используемые Джоном Гвинном, не только усиливают атмосферу и философскую составляющую романа, но и помогают раскрыть глубину мира и характеров, создавая уникальный стиль автора.

Обсуждение

Использование метафор в романе Джона Гвинна «Тень Богов» оказывает значительное влияние на глубинное понимание темы и содержания книги. Метафоры не только иллюстрируют внешний мир и эмоциональное состояние героев, но и становятся важным инструментом для передачи философских и моральных идей, которые лежат в основе произведения.

Сравнение использования метафор в романе «Тень Богов» с произведениями других авторов фэнтези позволяет выявить как схожие, так и отличительные черты. Например, в произведениях Дж.Р.Р. Толкина метафоры часто используются для выражения противостояния добра и зла, где светлые образы противопоставляются темным. Метафоры Толкина,

такие как «*the ring as temptation*» или «*light and dark*», создают четкую дихотомию между силами, в то время как метафоры Дж. Гвинна подчеркивают внутренние противоречия и сложность выбора [2–4].

В отличие от более традиционного подхода, характерного для произведений Толкина, где метафоры часто выражают символику борьбы за чистоту и свет, Дж. Гвинн создает метафоры, которые усиливают ощущение трагизма и мракобесия, свойственное его произведению. Его метафоры, такие как «*Fate is a blade*» или «*The world is ash*», более ориентированы на описание неизбежности разрушения, беспощадности мира и внутренних конфликтов героев [2–4].

В произведениях Джорджа Р.Р. Мартина также присутствуют метафоры, которые подчеркивают аморальность и жестокость мира, как, например, «*Game of Thrones*», где власть становится абстрактным элементом, которым можно манипулировать, но в «Тени Богов» мир и отношения между персонажами изображены более трагично, а метафоры, такие как «*Flame consuming the world*», подчеркивают неизбежность этого разрушения. В произведении Дж. Гвинна метафоры служат для того, чтобы углубить эмоциональное восприятие мира, в отличие от Джорджа Р.Р. Мартина, где метафоры часто иллюстрируют жестокую реальность власти и интриг [2–4].

Таким образом, использование метафор в произведении Дж. Гвинна отличается от более традиционного подхода в фэнтези. Автор применяет метафоры для передачи более темных, философских аспектов мира, что делает его стиль уникальным.

Заключение

Таким образом, метафоры в романе «Тень Богов» выступают не просто как средство украшения, но и как важный инструмент для передачи сложных философских и моральных идей. Они играют решающую роль в создании уникальной атмосферы романа, где герои сталкиваются с неизбежностью судьбы, разрушением, борьбой за выживание и поиском смысла в мире, который не дает им четких ориентиров. Использование метафор позволяет Дж. Гвинну усилить эмоциональное восприятие текста, углубить философские идеи и создать многослойный, насыщенный образ мира и персонажей [5; 6].

Данное исследование открывает несколько путей для дальнейших исследований метафор в произведениях Джона Гвинна. Одним из возможных направлений может стать более глубокий анализ метафор в других произведениях автора.

Список литературы

1. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Чикаго : Университет Чикаго Пресс, 2008. – 276 с.
2. Гвинн, Дж. Тень Богов / Дж. Гвинн. – М. : Эксмо, 2019. – 512 с.
3. Мартин, Дж. Р.Р. Игра престолов / Дж. Р.Р. Мартин. – М. : Азбука, 2006. – 832 с.
4. Толкин, Дж. Р.Р. Братство кольца / Дж. Р.Р. Толкин. – М. : Эксмо, 2000. – 544 с.
5. Кравченко, В.М. Метафора как средство выражения философского контекста в литературе / В.М. Кравченко // Литературные исследования. – 2005. – Т. 12. – С. 45–58.
6. Морозова, Я.С. Интернет-ресурсы и мобильные приложения как дополнительные источники при обучении чтению иноязычных исторических текстов / Я.С. Морозова, О.А. Рожненко // Reports Scientific Society. – 2024. – № 9(53). – С. 37–42.

References

1. Lakoff, Dzh. Metafory, kotorymi my zhivem / Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. – Chikago : Universitet Chikago Press, 2008. – 276 s.
 2. Gvinn, Dzh. Ten' Bogov / Dzh. Gvinn. – M. : Eksmo, 2019. – 512 s.
 3. Martin, Dzh. R.R. Igra prestolov / Dzh. R.R. Martin. – M. : Azbuka, 2006. – 832 s.
 4. Tolkin, Dzh. R.R. Bratstvo kol'tsa / Dzh. R.R. Tolkin. – M. : Eksmo, 2000. – 544 s.
 5. Kravchenko, V.M. Metafora kak sredstvo vyrazheniya filosofskogo konteksta v literature / V.M. Kravchenko // Literaturnyye issledovaniya. – 2005. – T. 12. – S. 45–58.
 6. Morozova, YA.S. Internet-resursy i mobil'nyye prilozheniya kak dopolnitel'nyye istochniki pri obuchenii chteniyu inoyazychnykh istoricheskikh tekstov / YA.S. Morozova, O.A. Rozhnenko // Reports Scientific Society. – 2024. – № 9(53). – S. 37–42.
-

Metaphor as a Tool of Emotional Impact in John Gwynne's Novel «Shadow of the Gods»

Ya.S. Morozova, O.A. Rozhnenko, A.S. Popova, E.Yu. Bolyko
(Russia)

Key words and phrases: metaphor; emotional perception; fantasy; artistic image; philosophical problems; fate; internal conflict; John Gwynne.

Abstract: Metaphor, being one of the fundamental elements of an artistic language, performs not only a decorative, but also a sense-forming function. In the fantasy genre, where the world is built on a combination of mythological and symbolic, metaphor becomes a tool for connecting the real and the unreal, enhancing the depth of perception of the text.

John Gwynne's novel "Shadow of the Gods" is a vivid example of the use of metaphors to convey complex philosophical concepts such as fate, moral choice, destruction, and the struggle between good and evil.

The purpose of this study is to analyze how metaphorical constructions affect the reader's emotional perception and contribute to the disclosure of the key themes of the work. The presented study uses a set of methods aimed at a comprehensive analysis of metaphors in fiction, in particular, literary analysis with elements of semantic analysis, comparative and contrastive method, questionnaires, and quantitative analysis of questionnaire data. The results of the study showed that metaphors in John Gwynne's novel "Shadow of the Gods" perform not only a stylistic function, but also become structural elements of the plot, forming a series of images and thereby enhancing the reader's emotional response.

© Я.С. Морозова, О.А. Рожненко, А.С. Попова, Э.Ю. Бобыко, 2025

УДК 378.016

Оценка сформированности межкультурной компетентности у будущих переводчиков китайского языка

Юань Дунбинь (Китай)

E-mail: 41976940@qq.com

...

Ключевые слова и фразы: китайский язык; межкультурная компетенция; оценивание; самооценивание.

Аннотация: Цель исследования – изучение вопроса оценивания сформированности межкультурной компетенции у будущих переводчиков китайского языка, а также разработка системы ее оценивания: языковые знания, способность использовать китайский язык на практике, способность понимать культуру, наличие межкультурной чувствительности и способность к использованию коммуникативных стратегий, парные и групповые проекты совместно с носителями китайского языка из вуза-партнера. Задачи исследования: разработать и внедрить в учебный процесс систему оценивания навыка межкультурной коммуникации будущих переводчиков китайского языка с использованием языкового партнера из вуза-партнера. Методы исследования: анализ трудов в области преподавания китайского языка и синологии, наблюдение, эксперимент, метод кейсов. Гипотеза исследования: формирование межкультурной коммуникативной компетенции будет более эффективным, если в систему оценивания навыка межкультурной коммуникации будет интегрирован языковой партнер, носитель китайского языка из вуза-партнера. Результаты исследования: внедрение в учебный процесс развернутой системы оценивания навыка межкультурной коммуникации, включающей интеграцию языкового партнера-носителя языка в контрольных точках оценивания (зачет и экзамен), что способствует повышению мотивации к обучению, качества обучения и более эффективному формированию межкультурной коммуникативной компетентности будущего переводчика китайского языка.

...

По мере глобализации экономики и развития социального плюрализма все большее число людей осознает важность межкультурного общения и уделяет ему все большее вни-

вание. Формирование межкультурной компетенции у студентов привлекло к себе большое внимание научных кругов (как европейских и российских, так и китайских).

Формирование межкультурной компетентности является необходимым условием в подготовке качественных переводчиков китайского языка, которые должны не только обладать четырьмя базовыми языковыми компетенциями, но и иметь достаточный уровень межкультурной коммуникативной культуры. Автор статьи делится опытом внедрения в образовательный процесс вуза развернутой системы оценивания навыка межкультурной коммуникативной компетентности будущих переводчиков, делая особый акцент на интеграции языкового партнера-носителя языка в контрольных точках оценивания (зачет и экзамен). Эксперимент, который продолжался в течение трех лет между студентами ЧГПУ им. И.Я. Яковлева г. Чебоксары Чувашской Республики и студентами Первого Шаньдунского медицинского университета г. Тайан провинции Шаньдун Китайской Народной Республики, продемонстрировал высокий потенциал для формирования у студентов межкультурной коммуникативной культуры.

Теоретической базой исследования служат труды следующих ученых: А.П. Садохин, М.Е. Вайндорф-Сысоева, Н.В. Якунина, Ю.В. Стрункина, З.Г. Томаева, Е.И. Пассов, С.Г. Тер-Минасова, И.И. Халеева, Б.Д. Парыгин, Н.В. Барышников, Д. Хаймс, Г.М. Чен, Н.А. Демина, И.В. Кочергин, К.В. Волков, Н.И. Шевцова, Т.В. Иоффе, Ци Янжун, Ма Яньхуа, Ли Сунхао, Чжан Ли, Чжан Цянь и др. [4].

Методологической базой исследования являются монографии, научные публикации и практический опыт российских и иностранных специалистов, посвященные проблеме формирования межкультурной коммуникативной компетентности и преподаванию китайского языка. Особо следует выделить труды Е.И. Пассова, С.Г. Тер-Минасовой, И.И. Халеевой, Б.Д. Парыгина, Н.В. Барышникова, Г.М. Чена и Дж. Старосты.

Перечисленные выше ученые не углублялись в проблему анализа уровня межкультурной коммуникативной культуры студентов, что делает данное исследование актуальным.

Говоря о межкультурной коммуникации, следует упомянуть Ху Вэньчжун, который считается «отцом» исследований межкультурной коммуникации в Китае. Под межкультурной коммуникацией он понимал «процесс взаимодействия между носителями разных культур, направленный на преодоление различий в ценностях, нормах и поведенческих моделях». Таким образом, он делал акцент на диалоге культур и взаимной адаптации.

Цзя Юйсинь подчеркивает, что межкультурная коммуникация – это «динамический процесс когнитивного, эмоционального и поведенческого взаимодействия, требующий понимания и уважения культурных различий».

Чжан Хунлин выделяет четыре компонента компетенции: культурное сознание, коммуникативные навыки, критическое мышление, способность к рефлексии.

Lustig и *Koester* [6] считают, что межкультурная компетенция состоит из достаточного объема знаний, надлежащей мотивации и хорошо подготовленных действий, и ни один из этих элементов не является исчерпывающим для формирования межкультурной компетенции.

Ян Ин и Чжуан Эньпин отмечают, что система глобального сознания, система способности адаптироваться к культуре, система знаний и навыков, система коммуникативно-практических способностей вместе образуют межкультурную компетенцию.

Тинг-Томи (*Ting-Toomey*) является ученым, посвятившим много трудов исследованию межкультурной коммуникации. Она разделяет межкультурную компетенцию на три части: блок знаний (*the knowledge blocks component*), фактор внимательности (*the mindfulness*

component) и коммуникативные навыки (*the communication skills component*).

Межкультурная компетенция, предложенная *Byram*, включает четыре основных элемента: отношение (*attitude*), знания (*knowledge*), навыки (*skills*) и сознание культурной критики (*critical cultural awareness*). М. Байрам разделяет межкультурную коммуникативную компетенцию и межкультурную компетенцию, по праву считая первую более широкой категорией. Г.М. Чен и Дж. Староста считают, что межкультурная компетентность – это способность эффективно и надлежащим образом осуществлять коммуникативное поведение, чтобы вызвать желаемую реакцию в конкретной среде, которая включает в себя три взаимозависимых аспекта: аффективную перспективу для развития межкультурной чувствительности, когнитивную перспективу для развития межкультурной осведомленности и поведенческую.

Таким образом, эффективная подготовка будущих переводчиков китайского языка предполагает, кроме непосредственно языкового обучения китайскому языку (обучение лексике, иероглифике, грамматике), формирование межкультурной коммуникативной компетентности и изучение китайской культуры, «под которой мы подразумеваем и знакомство с такими фундаментальными понятиями, как *wǔ xíng* (У-Син), *yīn yáng* (Инь-Ян), *fēngshuǐ* (Фэн-Шуй), *bā zì* (Ба Цзы) и *qigōng* (Цигун)» [2].

Обобщая понимание учеными «межкультурной коммуникативной компетенции», мы подразумеваем под ней наличие способности к межкультурному общению, проявляемой в ходе практического общения между людьми, принадлежащими к различным языковым и культурным группам. Для студентов, изучающих китайский язык, хорошие навыки межкультурного общения не только повышают уровень профессионализма, но и помогают им лучше адаптироваться к работе с китайскими партнерами. Создание системы оценки межкультурной компетенции может помочь будущим переводчикам понять свои сильные и слабые стороны, скорректировать стратегию обучения и повысить эффективность обучения. В то же время преподаватель может предоставить обратную связь, которая поможет оптимизировать методику и содержание преподавания.

В России в 2000-х гг. активизировалась работа по созданию зарубежных образовательных центров, представительств и информационно-консультационных пунктов по набору иностранных учащихся на основе объединений ведущих российских вузов под эгидой Минобразования России [1].

Так, в ходе эксперимента, который проводился в 2022–2025 гг. ЧГПУ им. И.Я. Яковлева и Первым Шаньдунским медицинским университетом г. Тайан Китайской Народной Республики (КНР), нами была создана система оценивания межкультурной компетенции, включающая в себя пять звеньев: оценку языковых знаний, способность использовать язык на практике, способность понимать культуру, наличие межкультурной чувствительности и способность к использованию коммуникативных стратегий.

Суть авторского метода Н.А. Рунгш и Юань Дунбинь заключается в обеспечении каждого студента ЧГПУ им. И.Я. Яковлева языковым напарником из Первого Шаньдунского медицинского университета г. Тайан провинции Шаньдун Китайской Народной Республики, изучающим русский язык. Это является обязательным условием, поскольку таким образом обеспечивается заинтересованность в качественном лингвистическом сотрудничестве с обеих сторон. Языковой партнер подбирался, ориентируясь на данные по успеваемости, уровень владения языком и психологические характеристики личности. Связь между языковыми партнерами осуществлялась посредством мобильной коммуникационной системы *WeChat*. Языковой партнер подбирался сроком на два месяца, после чего его «заменяли» на следующего. Таким образом за два семестра одного года каждый студент взаимодей-

ствовал с четырьмя студентами-носителями языка [4].

В ходе этого взаимодействия студенты не только уточняли лингвистические моменты у языковых партнеров, но также знакомились с культурными реалиями и уникальной китайской философией жизни, включая ее практическое воплощение в *wǔ xíng* (У-Син), *yīn yáng* (Инь-Ян), *fēngshuǐ* (Фэн-Шуй), *bā zì* (Ба Цзы) и *qìgōng* (Цигун).

Для получения наглядной картины уровня сформированности межкультурной компетенции у будущих переводчиков китайского языка использовались следующие методы оценивания и анализа.

1. Оценивание языковых знаний, что является базовой основой для оценки межкультурной компетенции. Языковые знания у студентов, изучающих китайский язык, должны включать в себя владение лексикой, грамматикой, аудированием, чтением, письмом и т.д.

2. Способность использовать китайский язык на практике, которая занимает центральное место в оценке межкультурной компетенции. Языковые прикладные способности студентов, изучающих китайский язык, должны включать в себя навыки устной речи, понимание на слух, навыки письменной речи и т.д. Оценка способностей учащихся к применению китайского языка позволяет понять уровень использования языка учащимися в практическом общении. Также здесь важно подчеркнуть умение использовать современный язык, сокращения, а также идиомы и фразеологизмы. Китайцы очень часто используют цифры вместо слов и целых предложений.

3. Оценка способности понимать культуру, представляющая собой важный компонент межкультурной компетенции. Способность понимать культуру у студентов, изучающих китайский язык, должна включать знание и понимание китайской культуры, истории, общественного строя и др. Оценка способностей учащихся к пониманию культурных особенностей позволяет получить представление об уровне их культурного самосознания и приспособленности к культурным традициям.

4. Оценка способности к межкультурной эмпатии или чувствительности, под которой понимается степень восприимчивости индивидуума к различным культурным различиям. Межкультурная чувствительность будущих переводчиков китайского языка должна выражаться в уважении к китайской культуре. Одновременно с этим необходимо также умение познавать и распространять собственную культуру. Оценка межкультурного восприятия студентов позволяет получить представление об их способности адаптироваться к межкультурному общению и разрешать межкультурные конфликты.

5. Оценка способности к использованию адекватных коммуникативных стратегий, означающая способность применять коммуникативные навыки и стратегии в межкультурном общении. Способность применять коммуникативную стратегию у будущих переводчиков должна включать в себя навыки вербальной и невербальной коммуникации, а также умение преодолевать коммуникативные барьеры. Оценивая умение студентов использовать коммуникативные стратегии, можно понять, насколько студент уверен в себе и психологически стабилен в незнакомой обстановке.

Также студенты должны были защищать парные и групповые проекты совместно со своими языковыми партнерами. Проекты разрабатывались в мобильной системе *WeChat* и защищались на платформе *Voov*. Данная работа сама по себе являлась отличным тренажером для отработки навыка способности к межкультурному взаимодействию и интегрировала в себя все пять звеньев оценивания этой способности.

Эта система оценивания навыков межкультурной коммуникации, включающая пять звеньев, помимо стандартного оценивания знаний, умений и навыков будущих переводчиков китайского языка преподавателем, включала в себя также интеграцию языкового пар-

тнера-носителя языка в контрольных точках оценивания (зачет и экзамен). Данная практика способствовала как повышению мотивации к обучению, так и развитию межкультурной эмпатии, а еще способствовала более эффективному формированию межкультурной коммуникативной компетентности будущих специалистов.

Таким образом, создание системы оценки межкультурной компетенции у студентов факультета иностранных языков позволяет всесторонне оценить способность будущих переводчиков китайского языка к межкультурному общению. В будущем по мере непрерывного развития и совершенствования теории и практики межкультурной коммуникации мы продолжим оптимизировать эту систему, включив в практику оценивания также непосредственно перевод носителей языка на предприятиях города.

Список литературы

1. Александрова, Г.А. Особенности подготовки иностранных специалистов в российских вузах в постсоветский период / Г.А. Александрова, И.В. Кожанов, В.Н. Иванов // Перспективы науки. – 2023. – № 11. – С. 292–296.
2. Рунгш, Н.А. Психосоматика как один из элементов в системе реализации холистического подхода на уроке китайского языка при формировании иноязычной межкультурной компетентности / Н.А. Рунгш // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2023. – № 1(118). – С. 161–164.
3. Ху, Вэньчжун. Как позиционировать межкультурную коммуникативную компетенцию в преподавании иностранных языков / Вэньчжун Ху // Иностранные языки. – 2013. – № 6. – С. 2–8.
4. Юань, Дунбинь. Формирование межкультурной коммуникативной компетентности будущих специалистов в области перевода китайского языка на основе модели языкового партнерства / Дунбинь Юань, Н.А. Рунгш, В.Н. Иванов // Перспективы науки. – 2024. – № 7(178). – С. 164–167.
5. Ян, Ин. Создание основы для межкультурной коммуникативной компетенции в обучении иностранным языкам / Ин Ян, Эньпин Чжуан // Иностранные языки. – 2007. – № 4. – С. 13–21.
6. Lustig, M. Intercultural Competence: Interpersonal Communication across Cultures (5th Ed.) / M. Lustig, J. Koester. – Shanghai: Foreign Language Education Press, 2007.

References

1. Aleksandrova, G.A. Osobennosti podgotovki inostrannykh spetsialistov v rossiyskikh vuzakh v postsovetskiy period / G.A. Aleksandrova, I.V. Kozhanov, V.N. Ivanov // Perspektivy nauki. – 2023. – № 11. – S. 292–296.
2. Rungsh, N.A. Psikhosomatika kak odin iz elementov v sisteme realizatsii kholisticheskogo podkhoda na uroke kitayskogo yazyka pri formirovanii inoyazychnoy mezhkul'turnoy kompetentnosti / N.A. Rungsh // Vestnik Chuvashskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. I.YA. Yakovleva. – 2023. – № 1(118). – S. 161–164.
3. Khu, Ven'chzhun. Kak pozitsionirovat' mezhkul'turnuyu kommunikativnuyu kompetentsiyu v prepodavanii inostrannykh yazykov / Ven'chzhun Khu // Inostrannyye yazyki. – 2013. – № 6. – S. 2–8.
4. Yuan', Dunbin'. Formirovaniye mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentnosti budushchikh spetsialistov v oblasti perevoda kitayskogo yazyka na osnove modeli yazyko-

vogo partnerstva / Dunbin' Yuan', N.A. Rungsh, V.N. Ivanov // Perspektivy nauki. – 2024. – № 7(178). – S. 164–167.

5. Yan, In. Sozdaniye osnovy dlya mezhkul'turnoy kommunikativnoy kompetentsii v obuchenii inostrannym yazykam / In Yan, En'pin Chzhuan // Inostrannyye yazyki. – 2007. – № 4. – S. 13–21.

Assessment of the Formation of Intercultural Competence among Future Chinese Language Translators

Yuan Dongbin (China)

Key words and phrases: intercultural competence; Chinese language; assessment; self-assessment.

Abstract: The purpose of the study is to study the issue of assessing the formation of intercultural competence among future Chinese language translators, as well as to develop a system for its assessing: language knowledge, the ability to use Chinese in practice, the ability to understand culture, the presence of intercultural sensitivity and the ability to use communicative strategies, pair and group projects together with native Chinese speakers from the partner university. Research objectives are to develop and implement in the educational process a system for assessing the intercultural communication skills of future Chinese language translators using a language partner from a partner university. Research methods included the analysis of works in the field of teaching Chinese and Sinology, observation, experiment, case study method. The hypothesis of the study is that the formation of intercultural communicative competence will be more effective if a language partner, a native Chinese speaker from a partner university, is integrated into the assessment system of intercultural communication skills. The results of the study are as follows: the introduction into the educational process of a comprehensive assessment system for intercultural communication skills, including the integration of a native language partner at assessment control points (test and exam), which helps to increase motivation for learning and the quality of learning and contributes to a more effective formation of intercultural communicative competence of a future Chinese translator.

© Юань Дунбинь, 2025

List of Authors

Чжоу Чан – аспирант кафедры прикладной экономики Высшей школы управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва (Россия), E-mail: 1042248195@pfur.ru

Zhou Chang – Postgraduate Student, Department of Applied Economics, Graduate School of Management, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia), E-mail: 1042248195@pfur.ru

Литвинова А.Г. – DBA по управлению инновациями, доцент кафедры прикладной экономики Высшей школы управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва (Россия), E-mail: angellitvinova@inbox.ru

Litvinova A.G. – DBA in Innovation Management, Associate Professor, Department of Applied Economics, Graduate School of Management, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia, Moscow (Russia), E-mail: angellitvinova@inbox.ru

Маркин В.В. – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул (Россия), E-mail: markin_vv@altspu.ru

Markin V.V. – Candidate of Science (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy and Cultural Studies, Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia), E-mail: markin_vv@altspu.ru

Маркина П.В. – кандидат филологических наук, директор Института филологии и межкультурной коммуникации Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул (Россия), E-mail: markina_pv@altspu.ru

Markina P.V. – Candidate of Science (Philology), Director of the Institute of Philology and Intercultural Communication, Altai State Pedagogical University, Barnaul (Russia), E-mail: markina_pv@altspu.ru

Соктоева Б.В. – кандидат психологических наук, доцент кафедры иностранных языков Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ (Россия), E-mail: socktoeva@mail.ru

Soktoeva B.V. – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Buryat State University, Ulan-Ude(Russia), E-mail: socktoeva@mail.ru

Аюшеева М.Г. – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ (Россия), E-mail: amarina00001@gmail.com

Aiusheeva M.G. – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Buryat State University, Ulan-Ude(Russia), E-mail: amarina00001@gmail.com

Абидуева И.В. – аспирант Бурятского государственного университета; преподаватель русского языка как иностранного Цзянсуского педагогического университета, г. Улан-Удэ (Россия), E-mail: iabidueva@mail.ru

Abidueva I.V. – PhD Student, Department of General Pedagogy, Buryat State University, Instructor of Russian as a Foreign Language, Jiangsu Normal University, China, iabidueva@mail.ru

Очиржапова Д.Ц. – старший преподаватель кафедры иностранных языков Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ (Россия), E-mail: breakday28@gmail.com

Ochirzhapova D.Ts. – Senior Lecturer, Buryat State University, Ulan-Ude(Russia), E-mail: breakday28@gmail.com

Дубовая Е.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры романских языков имени В.Г. Гака Института иностранных языков Московского педагогического государственного университета, г. Москва (Россия), E-mail: dubovaya.helene@yandex.ru

Dubovaya E.V. – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of Romance Languages named after V.G. Gak, Institute of Foreign Languages, Moscow State Pedagogical University, Moscow (Russia), E-mail: dubovaya.helene@yandex.ru

Евстафиади О.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского и китайского языков Оренбургского государственного университета, г. Оренбург (Россия), E-mail: olga.evstafiadi@gmail.com

Evstafiadi O.V. – Candidate of Science (Philology), Associate Professor, Department of English and Chinese Languages, Orenburg State University, Orenburg (Russia), E-mail: olga.evstafiadi@gmail.com

Пилипчук Е.А. – студент Оренбургского государственного университета, г. Оренбург (Россия), E-mail: katya.pilipchuk.03@mail.ru

Pilipchuk E.A. – Student, Orenburg State University, Orenburg (Russia), E-mail: katya.pilipchuk.03@mail.ru

Магомедова С.О. – кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка Дагестанского государственного университета, г. Махачкала (Россия), E-mail: azievasaida1982@mail.ru

Magomedova S.O. – Candidate of Science (Philology), Chair of the English language, Dagestan State University, Makhachkala (Russia), E-mail: azievasaida1982@mail.ru

Насруллаева А.Т. – студент Дагестанского государственного университета, г. Махачкала (Россия), E-mail: aasyusha@list.ru

Nasrullayeva A.T. – Student, Dagestan State University, Makhachkala (Russia), E-mail: aasyusha@list.ru

Нуралиева А.И. – студент Дагестанского государственного университета, г. Махачкала (Россия), E-mail: alina.nuralieva23@mail.ru

Nuralieva A.I. – Student, Dagestan State University, Makhachkala (Russia), E-mail: alina.nuralieva23@mail.ru

Морозова Я.С. – кандидат психологических наук, доцент кафедры интегративной и цифровой лингвистики Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону (Россия), E-mail: yanina.frost@mail.ru

Morozova Ya.S. – Candidate of Science (Psychology), Associate Professor, Department of Integrative and Digital Linguistics, Don State Technical University, Rostov-on-Don (Russia), E-mail: yanina.frost@mail.ru

Рожненко О.А. – кандидат технических наук, доцент кафедры общей консультативной психологии Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону (Россия), E-mail: roksana1983@mail.ru

Rozhnenko O.A. – Candidate of Science (Engineering), Associate Professor, Department of General Consultative Psychology, Don State Technical University, Rostov-on-Don (Russia), E-mail: roksana1983@mail.ru

Попова А.С. – студент Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону (Россия), E-mail: nastasyapopova23@gmail.com

Popova A.S. – Student, Don State Technical University, Rostov-on-Don (Russia), E-mail: nastasyapopova23@gmail.com

Большоко Э.Ю. – студент Донского государственного технического университета, г. Ростов-на-Дону (Россия), E-mail: bolykoelina12@gmail.com

Bolyko E.Yu. – Student, Don State Technical University, Rostov-on-Don (Russia), E-mail: bolykoelina12@gmail.com

Юань Дунбинь – декан факультета русского языка института иностранных языков Первого Шаньдунского медицинского университета КНР, г. Хэйхэ (Китай), E-mail: 41976940@qq.com

Yuan Dongbin – Dean of the Faculty of Russian Language, Institute of Foreign Languages, First Shandong Medical University of the People's Republic of China, Heihe (China), E-mail: 41976940@qq.com

REPORTS SCIENTIFIC SOCIETY

№ 6(62) 2025

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

Journal "Reports Scientific Society"
is issued 4 times a year.

Chief Editor: Omar Larouk
Page planner: Viktoria Solodova
Proofreading: Natalia Gunina

Passed for printing 23.06.2025
Format 60×84/8
Conventional printed sheets 9.94. Printed pages 4.42
100 printed copies